

Александр
Кучаев

ЗОЛОТАЯ *ангула*

Александр Кучаев
Золотая ангулоа

«Геликон Плюс»

2014

Кучаев А.

Золотая ангулоа / А. Кучаев — «Геликон Плюс», 2014

ISBN 978-5-93682-967-3

В романе «Золотая ангулоа», предназначенном только для взрослых читателей, рассказывается о морских и сухопутных приключениях племянницы миллиардера Юлии Белогорской и недавнего безработного Кости Серьгина, ставших заложниками преступной организации и оказавшихся в совместном заключении.

ISBN 978-5-93682-967-3

© Кучаев А., 2014
© Геликон Плюс, 2014

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Кучаев

Золотая ангулоа

Часть первая

Узники

- Прекратите ходить взад и вперёд!
- Надо же мне размять ноги.
- Прекратите, говорю: вы действуете мне на нервы!
- Но...
- Господи, как вы невыносимы! Угроздило же меня оказаться взаперти именно с вами!

Бросив на женщину мимолётный взгляд и вновь отметив про себя, как она хороша, Костя сделал почти незаметную недоумённую мину, хотел сказать, мол, мадам, вы сами, бывает, прохаживаетесь не меньше моего и тоже действуете мне на нервы, однако я терплю и молчу. Но, так и не сказав ничего, прошёл в свой угол и опустился на тощую подстилку, служившую постелью.

Не сказал потому, что на самом деле на нервы она ему не действовала. Её прогулки, сопровождаемые непринуждённым покачиванием бёдер, скорее, даже развлекали его, в какой-то степени рассеивая мрачные думы и внося нечто пикантное в их однообразное бытие.

Он следил за ней с отведённого ему места, удивляясь лёгкости её походки и грациозности каждого, даже самого незначительного движения. Эта женщина в его представлении была олицетворением женской красоты и сексапильности. Казалось, она вобрала в себя столько прелести, сколько могло принадлежать миллиону особ женского пола. Она должна бы волновать его, но на каком-то подсознательном уровне он категорически запретил себе поддаваться её чарам, поэтому за всё время совместного заточения кровь его так ни разу и не ускорила свой бег.

Половина помещения, где их содержали, – северный его торец – была вырублена в скале и напоминала пещеру. Вторая половина была сложена из тёмного, грубо отёсанного камня.

Костя обследовал в её стенах каждый шов, проверяя крепость постройки и надеясь найти что-нибудь шаткое, но камень лежал плотно и неколебимо и нигде не было ни малейшего намёка даже на подобие щёлки. Похожее на амбразуру продольное окно под низким, тяжёлым потолком было забрано стальными рифлёными прутьями в палец толщиной.

Что прутья сидят прочно, он понял сразу, как только очутился в темнице. И всё же с наступлением ночи он подступился к этим армирующим, надеясь расшатать в кладке их концы и сделать пролаз. Цепляясь снизу то за один из них, то за другой, он рывками долго и упорно пытался ослабить каменные мурованные тиски. Тщетно: прутья не подались ни на миллиметр и даже не дрогнули, голыми руками их было не взять. Пробовал на крепость и дверь, врезанную в стену в метре от окна, но и она держалась намертво. Нечего было думать и о подкопе: сарай стоял на сухой, затверделой почве, и чтобы вгрызться в неё, без лома или хорошего кайла не обойтись.

Окно под потолком было единственным доступом к свежему воздуху. Притиснув лицо к его прутьям, Костя подолгу изучал открывавшийся пейзаж, состоявший из неровного тёмно-бурого грунта, за которым возвышались голые, унылые холмы, переходившие дальше в чёрные горные кряжи.

Местами, в разрывах между холмами, в низины спускались длинные языки бурых, с красными прожилинами песчаных дюн, переходившие у своей оконечности в широкие, плоские россыпи. Иногда поднявшийся ветер сгонял их ещё дальше вниз или перетаскивал то влево, то вправо относительно основного направления движения.

С другой, тыльной стороны сарая доносился непрерывный, монотонный шум волн, то затихавший, почти неслышимый в слабо ветреную погоду, то наполнявшийся грозными нотками, когда ветер начинал дуть чуть сильнее. Костя поначалу думал, что это даёт знать о себе какое-нибудь озеро или широкая река.

За ночь сарай выстывал, железные прутья и каменная рама окна мокли от росы, к утру от холода начинали стучать зубы и тело бил судорожный озноб. Затем, в течение нескольких часов после рассвета, крыша и стены прогревались, постепенно приходило ощущение приемлемости существования, даже некоторые признаки комфорта. Но после полудня узилище, в которое их поместили, так раскалялось от солнечных лучей, что воздух обжигал кожу и не шёл в лёгкие. Костя искал спасения возле окна, но жуткий зной пёр и снаружи. Женщина держалась в северном конце сарая, прижимаясь к самому полу и скальной стене, видимо, не такой горячей.

Перед рассветом, когда становилось особенно холодно, она поднималась со своего ложа и начинала быстро ходить и энергично размахивать руками, пытаясь согреться. Но к Костиному углу никогда не приближалась. Он терпел холод, сколько мог, в конце концов тоже не выдерживал, и тогда они вдвоём мерили сарай, при этом никогда не пересекаясь друг с другом и обратив все чувства в самих себя.

Из отдельных слов вечно подвыпившего охранника, обрывистых, непродолжительных разговоров его с людьми, которые дважды появлялись в «камере», он понял, что место, где их запрятали, находится на севере западного побережья Африки. Значит, за холмами – Сахара, огромная пустыня, в большинстве своём состоящая из солончаков, песчаных дюн и каменных плато с неглубокими долинами, где на сотни километров нет ни капли воды, где палящее солнце и сухой ветер, и где ждёт только верная гибель.

Но если бы он вырвался отсюда, то и не пошёл бы в глубину материка, а двинул вдоль побережья. И не на юг, а на север, к Средиземному морю. Тогда у него появился бы шанс выйти к какому-нибудь селению и получить необходимое содействие.

На западе же, судя по непрерывному шуму волн, простирался бескрайний Атлантический океан, а не озеро или река, как он думал вначале. И берег океана был где-то недалеко. Вот вдоль прибоя он и пошёл бы. Добрался бы до Гибралтарского пролива, на той стороне которого англичане и испанцы. Надо полагать, в проливе ходит паром.

Вчера вечером огромный двухметровый охранник по кличке Дихлофос, надзиравший за ними, видимо, хватив больше своей повседневной дозы, сделался непривычно словоохотливым. Доставив еду, он направился к выходу, чтобы, как и в предыдущие дни, сразу уйти, но не ушёл, а остановился и медленно, с ленцой, повернулся к пленникам.

– Знаете, кенты, надоело мне с вами, – прислонившись к дверному косяку, он почесал затылок, потом подмышкой, достал сигарету, закурил и глубоко затянулся. Оглядел обоих и нехорошо ухмыльнулся, – надоело, да. Еду готовь, ходи к вам, корми. Не по мне эта кухарская работа. И ещё выводите вас... Ты надоел, вахлак, ты! – раздражённо рыкнул он, бросив мрачный, тяжеловесный взгляд на Костю и своим выпадом напугав его. И тут же успокоился, посмотрев на женщину сделавшимися вдруг сахарными глазками, – но ничего, недолго осталось. Вот эта ночь, потом ещё день и... А вы думали, вас выпустят? Нет, господа миллиардеры, не надейтесь. Правильнее сказать, выпустят, только... Посадят в вертолёт – и над морем, в свободный полёт. Ага, в полёт, даже камень не будут привязывать. Тут столько акул! Ещё никого к берегу не прибывало.

Дихлофос несколько раз затянулся сигаретой, наполняя темницу клубами ядовитого табачного дыма, прошёлся по женщине ещё одним долгим изучающим взглядом и громко причмокнул.

– Жалко, конечно, такой товарец пропадёт, но ничего не поделаешь – против боссов не пойдёшь. Как бишь тебя зовут? А, вспомнил, Юлия Иннокентьевна! Славная ты бабёночка, Юлия Иннокентьевна, вкусенькая. Будь моя воля, я бы тебя отсюда забрал – и в свою конурку.

Ух, мы бы с тобой!.. А то мне одному скучно бывает, особенно по вечерам. Только и развлечений, что вино да телевизор. Как ты насчёт картошки дров поджарить – не возражаешь? Напоследок, а то больше не придётся... Что трясёшься? Обрадовалась на дармовщину, да? Рано радоваться, мармеладненькая моя, некогда мне пока, надо там, у себя, кое-что закончить. На мне ведь, кроме вас, и дом, и корабль не такой уж маленький – всё надо содержать в чистоте и порядке. А то начальство приедет, заругается.

Узнав о своей участи, женщина побледнела как мел, задрожал и Костя, а Дихлофос, насладившись произведённым эффектом, прокрякал, выдавая эти звуки за смех, бросил окурок, придавил его носком башмака и вышел за дверь. Лязгнул засов. На замок их не запирали. Не было необходимости. Место уединённое, посторонних никого, достаточно одного засова.

После ухода охранника в сарае повисла напряжённая тишина.

...Ночь, о которой говорил Дихлофос, давно миновала. Время к полудню. Осталось несколько часов. Не думал он закончить жизнь где-то на краю земли, за тысячи километров от Рябиновки.

Женщина в другом конце сарая зашевелилась, приподнялась на постели и села, обняв колени. В глазах страдание, вроде даже слёзы. Эх, да тут будешь страдать и плакать, когда финал известен и скоро за ними должны прийти!

Костя вздохнул и лёг на спину. Его тоже томила тревога. Он всё не мог приладиться: то закидывал руки за голову, то прижимал к груди, привставал и опять ложился. Наконец, повернувшись на бок, лицом к стене, затих.

* * *

С чего всё началось? С круизного теплохода, на котором ему втемяшилось путешествовать? Нет, пожалуй, с той аварии.

Словно это было только что, вспомнилось, как встречный КамАЗ с пьяным водителем пошёл прямо на него.

Чтобы не угодить под колёса грузовика, Костя Серьгин, а для своих просто Серьга, размашисто повернул руль вправо, и его машина, задетая бампером КамАЗа, закувыркалась по высокому крутому откосу предмостной дамбы. Потом – провал в памяти. Потом – больничная палата и неподвижные ноги.

Жена с сыном недели две приходили, сидели сбоку койки и всё больше молчали. Сын уныло изучал коричневые подтёки на потолке, боясь посмотреть на беспомощного отца. Костя понимал: ребёнок, тяжело ему видеть больного. А когда им сказали, что безнадежный он, прекратили посещения.

– Не придут они больше, не жди, – на ухо, чтобы не услышали на соседних койках, шепнула пожилая санитарка, убиравшая палату. – Велели передать. Вот так, родимый.

«Недолго музыка играла», – подумал тогда Костя, придавленный сказанным. Но, поразмыслив, молвил сам себе: «Нет, правильно они сделали. На кой ляд он, лежачий, им нужен? Спасибо, хоть предупредили».

Спустя некоторое время жена подала на развод и с кем-то сошлась. И опять Костя не осудил её. «Зачем понапрасну время терять, – размышлял он бессонными ночами, безуспешно пытаясь отогнать воспоминания о совместно прожитых годах. – Баба молодая, ладная. Тридцать недавно исполнилось – всё ещё у неё впереди. Кому, как не ей, жить по полной программе?» Он хорошо знал её темперамент и почему ей не терпелось вновь выйти замуж.

Она попросила оформить на неё их трёхкомнатную квартиру, и он так и сделал.

– Дурак ты, дурак, – приговаривала тётка по матери Варвара Степановна, – оставил всё этой блудливой стерве, а сам где будешь обитать? Об этом ты подумал?!

– Тётя Варь, она так радовалась, что квартира осталась ей, – сказал Костя, чему-то таинственно усмехаясь. – Словно малое дитё. Знаешь, не мог я ей отказать, ну не мог! А мне хоть здесь подышать, хоть на свалке – разница невелика. Недолго ждать осталось. Вот пролежни пойдут, за ними заражение крови и ... кирдык.

– Я тебе дам подышать! – негодуя возопила тётушка, всплескивая руками. – И думать забудь о смерти!

Все приятели вдруг исчезли, словно их и не было никогда. Никто ни разу не появился в палате. А бывало, шли к нему: кто за деньгами, кто за тем, чтобы словечко, где надо, замолвил. Одна только Варвара Степановна не оставляла его, приезжала чуть ли не каждый день и не переставала твердить: мол, медицина нынче вон какая, и его обязательно поставят на ноги.

– А Нюрке мы ещё покажем, покажем, говорю тебе, – с Анной, теперь уже бывшей Костиной женой, она и раньше не ладила, старалась не встречаться с ней и за глаза почему-то неизменно называла только Нюркой. – Такого мужика бросить! Да таких, как ты ещё поискать надо! Вот погоди, поправишься, будет она локти кусать, будет, попомни, Серьга, мои слова!

Насколько Костя знал, если Варвара Степановна чего-то сильно хотела, то своего всегда добивалась. Почти всегда. С ним, конечно, случай особый, и чтобы поставить его на ноги, ясно дело, одного желания маловато. Но он и сам отчасти внушил себе, что с ногами всё наладится, и пусть не повеселел, вроде бы стал понемножку настраиваться на выздоровление. Постепенно он начал больше думать не о погосте, а о том, как будет бодро вышагивать на своих двоих.

Тётушка же, не ограничившись успокоительными речами, наводила справки, рыскала по городам и весям и нашла-таки толкового специалиста по позвоночным делам, хирурга по фамилии Гарникян.

За пятьсот километров повезла она племянника в клинику к этому светилу. Хирург сделал операцию. Всё прошло удачно, и по истечении семи месяцев после аварии Костя снова начал ходить: первые дни на костылях, потом с палочкой, а потом и вовсе сам по себе – без корсета и прочих причиндалов.

Жена и сын сразу вспомнили о нём, стали звать к себе, мужика же, поселившегося в их квартире, обещали прогнать. Анна в общем-то никогда не забывавшая, как ей хорошо было с первым мужем, работающим, весёлым и всегда обходительным, горько раскаивалась, напоминала о сыне, говорила о безотцовщине, но Костя не смог простить предательства.

Обосновался он у Варвары Степановны, в Рябиновке, в шести километрах от города.

Большой, пятикомнатный, если считать с мезонином, деревянный, из кондовой смоляной сосны, тётушкин дом стоял возле не очень обширного продолговатого озера, метрах в сорока от него. Невысокий штакетник, округлая, овитая лозами винограда беседка посреди зелёной лужайки, а дальше, на некрутом взгорке – сам дом. За ним – тепличное хозяйство.

Варвара Степановна всю жизнь выращивала цветы – розы, гладиолусы, хризантемы – и торговала ими. Немало было посажено у неё и в открытом грунте – земли тридцать соток, для всего места хватало. Костя сизмальства помогал ей и знал агротехнику не хуже её самой.

– Вот что, милоч, – сказала она, приехав с ним от Гарникяна. – Пока ты лежал, с работы, сам знаешь, тебя уволили, и на твоём месте давно уже другой человек. Ты ведь его спихивать не будешь? В городе армия безработных, если кого и нанимают, то за гроши. Зачем тебе горбатиться из-за какой-то мелочи? Берись лучше за моё дело. Я стара стала, – в свои пятьдесят пять Варвара Степановна ещё крепка была и, упоминая старость, больше прикидывалась, – одной мне не управиться, а вдвоём мы много чего сможем. Ты коренником будешь, я же за пристяжную сойду. Всё это: дом, усадьба – твоё. Хочешь, хоть сейчас на тебя перепишу?

Костя, поразмыслив, на её предложение согласился, отвергнув только последний пункт.

Поселив у себя племянника, Варвара Степановна стала склонять его к женитьбе.

– Ты мужик ещё молодой, с достатком, всё, что у меня есть, фактически принадлежит тебе, за тебя любая пойдёт. Вон Зинка, соседка наша, фельдшерица, в девках сидит: и работа-

щая, и собой пригожа – всё при ней. Или учительница, Лидия Петровна, ты её тоже знаешь; она хоть разведенная, но женщина самостоятельная, ни с кем не путается...

– Нет, тётя Варь, никого мне не надо. Я ещё своей Анютой по горло сыт.

«Коренника» из него так и не получилось. Незаметно к нему вернулась прежняя апатия, переросшая в глухую всё усиливающуюся тоску. Временами она перерастала в физическую боль, доводившую его до изнеможения. Давили мысли о развалившейся семье, о потерянном сыне, о том, что жизнь вообще жестянка и самый лучший вариант – это каким-то образом отключиться от неё. Он рыхлил и поливал цветочные грядки, делал другую работу, но всё – механически, без души и нацеленности на конечный результат.

Варвара Степановна замечала, что с племянником творится неладное, но помалкивала. По утрам она уезжала в город, развозила по торговым точкам выращенную продукцию, и Костя долгие часы оставался в одиночестве.

Иногда отрываясь от дела, окидывал он пустым, угрюмым взглядом цветущую поросль насаждений и думал: «Для чего мне всё это? Глаза бы ни на что не глядели. Эх, бросить бы всё и уехать на какой-нибудь необитаемый остров!»

Как-то, уже в сумерках окончив работу, он сел в лодку и переправился на другой берег озера. В детстве любил он бродить в одиночестве по тамошнему лугу под тихим морсящим дождём, в плаще и резиновых сапожках. Нигде ни одного человека, только он да дождь, да мокрая трава под ногами, да лесок, поднимающийся сразу от края луга. Тогда ему хорошо думалось и сладко мечталось, особенно о будущем.

И вот это будущее настало. И он, как в былые годы, бредёт по тому же лугу...

Уже в темноте, возвращаясь после прогулки, Костя увидел соседку Зину. Она сидела на корме лодки с букетиком полевых цветов.

– Здравствуйте, Константин Иванович! – немного сконфузившись, сказала она, вставая. – Вот, я цветы собрала, – ему вспомнилась одинокая женская фигурка на другом конце сумеречного травяного поля, выплывавшая раза два-три из-за дальних кустов возле опушки леса. – Перевезёте меня на нашу сторону?

– Здравствуй, Зина! О чём речь, конечно перевезу.

За время перевозки не было произнесено ни слова. Лишь выскочив на берег, Зинаида повернулась и протянула букет.

– Это вам, Константин Иванович!

– Прелестные цветы. Только что я с ними буду делать?

– А вы поставьте их в воду у изголовья, вам сны знаете какие хорошие будут сниться!

– Ну спасибо, Зиночка! – сказал он, принимая подарок и сдержанно улыбаясь.

– До свидания, Константин Иванович!

– До свидания, соседка.

На следующий вечер, возвращаясь с луга, он опять увидел Зинаиду. Снова «Здравствуйте!», и снова почти такой же букетик.

Цветы он не выбросил, а заменил ими уже подвявший прежний букет. Однако когда настал очередной вечер, от прогулки отказался.

Рано утром тётя Варя поехала на торговлю, а Костя, не позавтракав, отправился к хризантемным делянкам и приступил к пасынкованию, удаляя лишние боковые побеги. Прошёл одну грядку, занялся другой.

Беззаботно чирикали воробьи, светило солнце, было тепло, дело спорилось. Он уже собирался закончить работу, как из соседского огорода, отделённого сеткой рабица, послышался Зинин голос. Девушка была одета, словно собралась на свидание, и прекрасно выглядела.

– Доброе утро, Константин Иванович!

– Здравствуй, Зиночка! – ответил он, удалив последний пасынок.

– Я смотрю, вы всё один и один работаете, – соседка лучезарно улыбалась. Она приблизилась к ограждению и взялась пальцами за ромбовидные провололочные клетки, – не скучно одному?

– Нет, не скучно.

– А то давайте я вам помогу. Всё равно мне сейчас делать нечего.

Обогнув грядки, Костя приблизился к девушке и удивился, какой у неё искренний, открытый, ничем не замутненный взгляд. Не выдержав встречного взгляда, Зина опустила глаза, лицо её покраснело, улыбка исчезла, уголки губ опустились.

– Вчера вы почему-то не гуляли на лугу.

– Не гулял, – он в упор смотрел на соседку. Все её чувства были написаны на лице. Симпатичная, добрая, умная, ум-то у неё от сердца идёт. Ей бы хорошего паренька найти, а то подвалит какой-нибудь вурдалак, в последнее время немало их развелось, и изломает девчужке всю жизнь.

– Ты вот что, Зина, – сказал он, с некоторой натугой подбирая слова. – Ты ведь знаешь – у меня семья была. Как видишь, всё пропало. Мне сейчас ни до чего дела нет, ничего мне не надо. Извини, не товарищ я тебе по твоим сердечным делам.

Глаза у неё налились слезами. Костя подумал, что сейчас начнутся рыдания, но Зина вынула из кармашка беленький платочек, быстро промокнулась им, принудила себя улыбнуться и, бросив на соседа кроткий взгляд, сказала:

– Простите, Константин Иванович, что-то у меня с головой. Какие-то завихрения. Это пройдёт. Простите.

Взметнув подолом, она побежала с огорода и скрылась за углом своего дома. Костя услышал, как хлопнула сенная дверь. Он давно знал девушку, она выросла у него на глазах. Немножко, конечно, жалко её, но на душе было пусто. Ничего, Зиночка, найдёшь себе кого-нибудь. Если повезёт...

Лето и большую часть осени он безвылазно провёл в Рябиновке, погружаясь во всё более глубокую депрессию.

– Ты бы в городе, что ли, побывал, на людей посмотрел, – стала поговаривать тётушка, наблюдая за ним. – А то сидишь здесь, как бिरюк.

Костя всё больше отмалчивался, но однажды вечером, вняв уговорам, смыл огородную грязь, натянул на себя парадно-выходную одежду, сел в маршрутное такси и доехал до центральной городской площади. Бесцельно побродил по улицам, созерцая шеренги проституток, освещённых рекламными огнями, потолкался среди прохожих, избегая встреч с компаниями подростков, всегда готовых завязать драку с одиноким человеком. Зачем-то зашёл в универсам, затем – в какой-то другой магазин и завернул в первую попавшуюся пивную, где и просидел чуть ли не до полуночи. Домой, в Рябиновку, вернулся выпивши – некрепко, но в глаза всё же бросалось.

«Ну вот, хрен редьки не слаще, – подумала Варвара Степановна, когда от племянника потянуло спиртным. – Как бы не повадился».

А Костя и в самом деле повадился. Уезжал по вечерам в город и уже ночью возвращался «под газом». Так продолжалось неделю или полторы, пока не повстречал он Анатолия Дмитриевича, своего бывшего школьного преподавателя по литературе. Из-за низкого учительского заработка Анатолий Дмитриевич лет двенадцать назад подался слесарем на пищекомбинат, да так там и остался.

– Как поживаем, как дела? – задал Костя стандартные вопросы, когда они чокнулись и выпили по первой.

– Дела как сажа бела, Серьга. Каждое утро просыпаюсь, словно на казнь, – ответил бывший учитель, глядя на него заслезившимися после рюмки глазами. – Жить не хочется. Был бы пистолет, давно застрелился.

За бутылкой водки и пивом Анатолий Дмитриевич долго и нудно рассказывал о бессмысленности жизни. О том, как из года в год крутит он эти проклятые краны, и всё одно и то же, одно и то же, и как, чтобы хоть немного выбиться из колеи, после работы и по выходным «закладывает за воротник».

Косте же запали слова о пистолете. «Застрелиться – в?от как надо, вот как проще всего покончить с этим дебилизмом», – думал он, слушая некогда любимого учителя, теперь же слесаря по кранам.

У выхода на улицу он столкнулся с каким-то небритым, бомжатистым на вид мужиком с отвислой нижней губой.

– Слышь, братан, выручи, дай два рубля, – сказал мужик, трогая его за рукав. Костя достал из кармана пятирублёвую монетку и подал.

В переулке, рядом с пивной, под моросящим дождём женщина, лет тридцати с небольшим, отрешённая от всего, выискивала что-то в мусорном баке, бутылки, наверное. Приятное, интеллигентное лицо, опрятная, чисто одетая, с тяжёлыми, аккуратно расчёсанными тёмными волосами, ниспадавшими на плечи.

«На учительницу походит, по лицу видно – профессиональный отпечаток, – подумал Костя. – А может, просто безработная. Не смотрит ни на кого, стесняется. Одинокая, поди, дома же дети, кормить надо. В помойке роется, а на панель не пойдёт, для неё лучше умереть. Эх, жизнь, пропади ты пропадом!»

* * *

В очередной базарный день, в субботу, Костя приехал на рынок «старого города», окружённый частными, в основном одноэтажными, потемневшими от времени обветшалыми домами и одноэтажными же прочными зданиями магазинов ещё купеческой постройки.

Он не имел ни малейшего представления, где можно приобрести оружие, и решил поспрашивать у мужиков, торгующих запчастями, механизмами и разным железным хламом, разложенным прямо на земле, на подстилках.

На вопросы о пистолете или обрезе одни продавцы обалдело и немо раскрывали рты, другие отвечали, что такими вещами здесь не торгуют, третьи советовали купить в магазине ружьё и самому укоротить ствол и срезать приклад. Разные были советы. Костя слушал, поддакивал и, выборочно, переходил к другому продавцу. Мужики же, глядя ему вслед, толкали друг друга в бока.

– Слышали, пушка вон тому понадобилась!

– Застрелить, видать, паразит, кого-то надумал.

– Да у него и морда-то вроде не бандитская.

– Сейчас по морде не каждого разберёшь.

– А может, от бандитов и хочет защититься?

– Да разве от них защитишься – если надо, всё равно прибьют, и пистолет не поможет.

В воскресенье Костя подался на тот же рынок. Прошёл ряды с железками, думал пройти попозже ещё раз, двинулся дальше, дошёл до крытых молочных прилавков, оглянулся и увидел увязавшегося за ним сухонького старичка. Тот моргнул глазами и негромко сказал:

– Отойдём в сторонку. Ты иди вперед, а я за тобой.

– Что вам надо?

– Ничего... Я как раз по твоему делу.

Вышли за пределы рынка и, миновав наружные ларьки, повернулись друг к другу.

– Говорят, ты наган спрашивал, – сказал старик, утирая пальцами мокнувшие ноздри.

– А он есть у вас?

– За двадцать тысяч уступлю.

- За двадцать?! Сначала посмотреть надо.
- Кто ж покупает не глядя...
- Тогда доставай.
- Да кто на людях такой штукой торгует? Он у меня дома.
- Тогда пошли домой.

Миновав один квартал, пересекли наискосок улицу, и старик остановился возле неказистого дома, крытого латаным толем. Во дворе, окружённом покосившимся тесовым забором, остановились у двери сарая. Подняв руку, старик щёлкнул выключателем на притолоке, открыл лаз погреба, осветившегося изнутри электричеством, и пригласил следовать за собой. Костя выглянул наружу, проверяя, нет ли какого подвоха, вошёл в сарай и ступил на перекладину лестницы.

В просторном, сухом, похожем на комнату узорчатом каменном погребе дореволюционной кладки старик выпростал из стены один из кирпичей и достал из показавшейся полости тяжёленький таки тряпичный свёрток. Развернул. На промасленной ткани лежал револьвер.

– Ну как, нравится? Дед в двадцатом году забрал у убитого белого офицера, у прапорщика молоденького – пацан, рассказывал, был совсем, – сказал старик, разглядывая оружие оживившимися глазами. – Перед фронтом, как война началась, дед передал моему отцу. А от него ко мне перешло.

– А что случилось с дедом и отцом?

– Да убили обоих, сначала одного, потом второго. Отца-то уж под конец, в сорок пятом. А наган – вот он... Ну как, берёшь? В нём ещё три патрона осталось – все со срезанными головками пуль.

– Для чего – со срезанными?

На лице старика проявилась улыбка, очевидно, обращённая в стародавние времена.

– Срезанная головка увеличивает останавливающее действие пули. Калибр-то 7,62, маловат для такого оружия – вот и приходилось мудрить.

– Оботрите масло, прочистите – вы же умеете с ним обращаться.

– Я из него только два раза стрелял, – сказал старик, протирая револьвер. – После войны, когда огольцом ещё был. Жрать-то нечего было, вот и пошёл в лес на охоту. Весь день проходил, никого не подстрелил. Два раза бахнул по грачам – и то не попал. Больше я с ним не охотился. И никто не знал, что он есть у меня.

– Зачем же держали столько лет?

– Так лежал себе и лежал. Выбрасывать? Жалко. Ты первый, кто спросил. Ну всё, готово, можно пользоваться, – сказал старик, поворачивая револьвер и так и сяк.

– А сейчас-то он стреляет?

– А кой чёрт ему сделалось! Ты же видел, в каком он состоянии был. На, можешь подержать.

Костя взял наган, повернул барабан, отвёл дуло в сторону и спустил курок. Револьвер оглушительно бахнул, сверкнув пламенем, и едва не выскочил из руки. От неожиданности Костя вздрогнул, а старик даже пригнулся от испуга, прикрыв голову ладонями.

– Ты что, охренел?! – вытаращив глаза, проговорил он, выпрямляясь. – Кто ж так делает?! За километр, верно, слышно было. Вся полиция сейчас сбежится.

– Да я сам не думал, что он выстрелит, – стал оправдываться Костя. Он посмотрел в верхний угол погреба, куда угодила пуля. В углу расплывалась пылевая завеса, и с потолка ещё сыпалась отбитая штукатурка.

– Вон, погреб мне попортил – цементом теперь надо замазывать. Не хватало заботы на мою голову!.. Ладно, берёшь, что ли?

– Беру, – сказал, не торгуясь, Костя и передал старику двадцать тысяч. Да и зачем торговаться, раз деньги ему всё равно больше не понадобятся.

Помусолив пальцы, старик пересчитал купюры и удовлетворённо кивнул.

– Всё точно. В расчёте. Но давай договоримся: случись что – на меня не ссылаться, про наган я ничего не знаю.

– Об этом не беспокойтесь.

Дома, убедившись, что машины в гараже нет, а значит, Варвара Степановна ещё в городе, Костя прошёл в свою комнату, хотел положить револьвер на стол, но, побоявшись испачкать скатерть, оставил его на ничем не застеленной прикроватной тумбочке. Скатерть белая. Как бы на неё не попали капли крови, будет тогда тёте Варе стирка.

Убрав скатерть в бельевой шкаф, Костя накинул на стол клеёнку. Разгладил складки, подровнял свисающие края, оглядел гладкую поблескивающую поверхность. Ни одной потёртости, ещё ни разу не использованная. Сел на стул, поднялся, постоял, ещё разгладил. С клеёнки можно и не смывать, проще свернуть и выбросить, невелика потеря.

Осмотрел себя: лёгкая светло-серая куртка, светлая, в синюю клеточку рубашка. Куртку – снять, рубашка тоже не годится, слишком уж на ней всё будет контрастировать. Открыв шкаф, он переоделся в чёрное. Теперь в самый раз. Сев за стол, потянулся за револьвером. Отсюда далековато, надо вставать. Эх, бестолочь, а записку-то тёте! Отложив оружие, разыскал карандаш, бумагу и написал: «Прости, тётя Варя. Костя».

Поставив последнюю точку, отодвинул записку и карандаш на дальний край стола и оглядел комнату. На кровати светлое покрывало. Если полетят брызги, потом не ототрёшь. Но если не навыйлет, пуля останется в голове то никаких брызг. Немного натечёт на клеёнку, на пол и всё. Да и кровать-то сзади, а он будет стрелять в сторону шкафа, смыть с которого кровь или мозги не составит особого труда. Будем думать, что всё так и обойдётся.

Он встал, прошёл к тумбочке, взял револьвер и вернулся к столу. Сел, устроился поудобнее. Ладонью левой руки поворачивал по часовой стрелке барабан, устанавливая патроны напротив курка. Как легко он вращается, словно у новенького. Да и чем револьвер отличается от нового, ведь им, пожалуй, почти не пользовались. Несколько раз, скорее всего, выстрелил из него белый офицер, может, разок, другой – его преемник, да тот старик два раза пальнул – вот и всё.

«Однако, не лучше ли застрелиться в огороде?» – подумал Костя. Там уж точно подтирать ничего не придётся. На свежем воздухе, среди ещё не совсем увядшей зелени... Но на выстрел могут сбежаться соседи, Зиночка ещё увидит, а ему не хотелось, чтобы первым на него наткнулся кто-нибудь из посторонних. Да и как потом у тёти Вари пойдёт торговля, если узнают, что у неё среди цветов нашли убитого? Кто их, эти цветы, потом будет брать, на свадьбу, например? А может, не надо стреляться, лучше уехать куда-нибудь? А куда? На необитаемый остров? Где он? И что там делать? От себя разве убежишь?

Помедлив ещё немного, Костя, не замечая того, вновь поворачивал барабан и поднёс дуло к голове. Прохладный металл жёстко упёрся в висок.

Он так был загипнотизирован предстоявшим действием, что не услышал шума подъехавшей машины. Всё его внимание сосредоточилось на револьвере. Указательный палец нащупал спусковой крючок и начал нажимать на него. Под пальцем ощущалось всё возрастающее сопротивление. Интересно, в сарае того старика никакого сопротивления не чувствовалось, просто раздался выстрел и всё.

Он ещё надавил на спуск и закрыл глаза. Сейчас решатся все его проблемы. В мозгу шевельнулась мысль об Анатолии Дмитриевиче и остальных жителях города. Все, все чужие, холодные, равнодушные, занятые только собой и своими делишками. И город тоже чужой. И Рябиновка. Непонятно, зачем он родился на белый свет. И что вместо него, нынешнего, будет на том свете, когда он уйдёт отсюда? Душа? Из чего она состоит? Не из желания же поесть или других, чисто физиологических потребностей? Что останется от него, когда он грохнет себя? Вера в Бога? Не так уж часто в последнее время он думал о нём. Наверное, ничего не останется.

Вспомнилось чьё-то изречение: «Куда уходят умершие? Туда, где находятся не родившиеся». То есть в никуда. В пустоту, в чёрную дыру. Кажется, до того, как курок перевалит через невидимую критическую черту и под воздействием пружины соскочит вперёд, осталось чуть-чуть.

В это мгновение отворилась дверь и на пороге возникла Варвара Степановна.

– Костя! – крикнула она и бросилась к нему.

Костя дождал спуск. Сухо щёлкнул боёк. Курок вернулся в исходное положение и вновь устремился вперёд, на этот раз к донцу патрона, подставленного повернувшимся барабаном. Варвара Степановна ударила раскрытой ладонью по кисти руки племянника, стараясь поскорее отвести дуло от его виска, револьвер вылетел из пальцев, прогремел выстрел, и в лежавшей на кровати подушке появилась дырочка. Кисло запахло пороховым дымом.

Костя сидел бледный, как изваяние, не открывая глаз. В сущности своей он был уже убит.

Варвара Степановна подобрала с пола револьвер.

– Ах, дурак! Вот дурак так дурак! – взхлёб закричала она, придерживаясь за край стола. – Надо же, что удумал! Это в тридцать пять-то лет! Для того я тебя на ноги поставила, чтобы ты стрелялся! Да где наган-то нашёл?! Искал, выходит... У-у, дуралей! Что бы мать твоя сказала, была бы жива?! А обо мне ты подумал, меня ты пожалел?! А это ещё что? Записка! «Прости, тётя Варя», – прочитала она вслух. – У-у, ирод! И это, называется, подумал обо мне! И это, называется, пожалел!

Держа револьвер за ствол, она уставилась на него, не зная, что с ним делать.

– Надо же, какое лихо удумал, – повторила Варвара Степановна уже затухающим голосом и сквозь слёзы посмотрела на племянника,

– Костя! – снова закричала она и заплакала навзрыд. – О господи!.. Поклянись, поклянись, что не будешь больше стре... стреляться и выкинешь всякие мысли о... о... О, горюшко моё!

Поставив локти на стол, Костя уткнул лицо в ладони и промышал что-то нечленораздельное. Не добившись от него толку, Варвара Степановна выбежала из дома, стукнула калиткой и посмотрела по сторонам. Убедившись, что никого поблизости нет, подошла к берегу, села в лодку и на середине озера бросила револьвер в воду. Посидела с минуту задумавшись, вытерла слёзы и погребла к берегу.

Постояв в сенях и поплавав ещё, вернулась к племяннику и села напротив.

– Значит так, Серьга, – без всяких предисловий, чеканя слова, начала она, – хватит тебе оставаться на огороде. Одиночество – это такое... Что только в голову не взбредёт. Как это я раньше не сообразила! Молодому тоскливо одному здесь, а от русской тоски, не зря сказано, весело и удавиться. Напрасно я тебя сюда затащила. Надо тебе устраиваться куда-нибудь на работу, пусть и грошовую. Всё на людях будешь, всё с кем-нибудь словом перемолвишься. Глядишь, и подыщешь там кого-нибудь по душе.

– Хотя нет, погоди, – она взяла газету с рекламными объявлениями. – Вот, предлагают путёвки в дома отдыха. Прежде, чем устраиваться на работу, надо тебе сменить обстановку, как следует отдохнуть... Нет, милоч, отставим пока и с домом отдыха. Видишь, смотри ниже, в рамочке написано о круизе по Средиземному морю. Вон картинка какая, а корабль-то! Я думаю, это самое подходящее будет. Съезди, развейся. Деньги – вот они, бери, сколько хочешь, солить их нам что ли!?

* * *

Так он оказался на теплоходе «Адмирал Сенявин». Женщину, с которой он сидел теперь в полутёмном каменном мешке, он увидел на второй день плавания. В первый же день он почти до вечера пробыл возле кормового поручня и неотрывно смотрел на море, любуясь его кра-

сота́ми, наблюдая за прыжками тёмных эластичных дельфинов, то ленивыми, то стремительными, и никого не замечая вокруг.

И вот... Она была так хороша, что у него затрепетало и неровно заби́лось сердце. И это при не прошедшей ещё депрессии... Костя удивился, как не разглядел её раньше, она выделилась бы и в многотысячной толпе.

Судя по выражению её лица, манере держаться, она из тех, кого причисляют к сливкам общества. И это чудо природы находилось всего в нескольких метрах от него. Веяние ветра донесло тончайший, головокружительный запах женских духов.

Костя был потрясён, но уже в следующее мгновение решительно взял себя в руки и запретил даже думать о ней – эта женщина была не для него.

Повернувшись на сто восемьдесят градусов, он медленно пошёл вдоль борта, хмурясь и рассеянно похлопывая ладонью по поручню. Немного дальше, на переднем сегменте палубы, стояли несколько весьма миловидных дам, привлечённых каким-то зрелищем. С двумя он был уже знаком; одна из них махнула ему рукой, приглашая присоединиться к ним, но он, рискуя прослыть бестактным, оставил приглашение без внимания.

В последующие дни он не раз ещё видел незнакомку в числе других пассажиров, даже поймал на себе её секундный отстранённый взгляд, а однажды, прогуливаясь по верхней палубе, едва не столкнулся с ней.

Вспыхнув, она отпрянула от него, во взгляде сверкнули искры негодования.

– Вам не кажется это смешным?! – воскликнула женщина, сопровождая слова издевательской улыбкой.

Костя непонимающе захлопал глазами.

– Смешным и жалким!

– Что вы имеете в виду, мадам? – растерянно пролепетал он.

– Весь этот маскарад! Изменили причёску, надели кургузый пиджачок и думаете, вас не узнать! Когда вы избавите меня от своих преследований? Говорю ещё раз: вы мне неприятны и я никогда, слышите, никогда не стану вашей женой! Неужели это нельзя понять?!

– Но я вовсе не...

– Я села на этот теплоход, только чтобы находиться подальше от вас, не видеть вашу... ваше лицо. Но вы... вы!

Она топнула ногой, закусив губу и, демонстративно отстраняясь от него, прошла мимо. По палубе чётко застучали, затихая вдали, её каблучки.

Ничего не понимающий Костя пожал плечами и, округлив глаза, недоумённо посмотрел ей вслед. Вот так номер! Что позволяет себе эта фря?! Думает, если она такая сдобная, то ей всё можно?! Ну уж нет, извините, ничего не выйдет!

Склонив голову и опустив глаза, он осмотрел пиджак и провёл по нему ладонями. Тоже мне – кургузый! Немного в стороне мелькнул чей-то насмешливый взгляд, и неприятное впечатление от произошедшей стычки ещё больше усилилось. Ох уж эти московские штучки! Почему-то он решил, и не ошибся, что незнакомка именно из Москвы.

Стараясь принять равнодушный вид, Костя замурлыкал себе по нос песенку, пару минут назад услышанную им в баре, и продолжил прогулку. Вот стервоза! Как объект внимания незнакомка для него и прежде не существовала, а теперь – тем более. Но на некоторое время настроение было испорчено.

«Сенявин» бороздил воды Средиземного моря. После Стамбула они заглянули в Афины, потом любовались красотами Неаполитанского залива, после чего, обогнув Апеннины и пройдя мимо Сицилии, направились к берегам Африки. Побывав в Тунисе, корабль повернул в сторону Франции.

Пассажиры наслаждались поездкой. В России уже лютовала зима, а они лежали в шезлонгах под лучами ласкового южного солнца и не могли насытиться его благотворными

лучами. Время проходило в перерывах между завтраком, обедом и ужином, за столом течение его вообще не замечалось, настолько все были увлечены поглощением различных блюд, по вкусу являвшихся шедеврами поварского искусства. Вечерами – балы, оркестры, прекрасное пение Нино Гиташвили и Виктора Перовского, заключивших контракты до окончания круиза. Круглосуточная работа баров с несметным количеством напитков полностью удовлетворяла потребности охотников до них.

Всё это время Костя оставался на обочине развесёлой круизной жизни, лишь слегка соприкасаясь с ней. Несколько мало значащих знакомств, два-три танца в течение бала с довольно соблазнительными особами – он очень даже неплохо танцевал, так как в юности брал уроки в школе танцев, проявив незаурядные способности. Среди пассажиров было пять-шесть отменных танцоров. Он был одним из лучших среди них, а в танго просто неподражаем. Немного выше среднего роста, стройный, недурён лицом – партнёршам, ошеломлённым пластичностью его движений, он представлялся весьма интересным, с долей загадочности, кавалером, и они хотели продолжения завязавшихся отношений.

Он видел их амурный настрой, но, возможно, из-за душевной раны, нанесённой Анной, а может, в силу своего характера, деликатно отклонял их притязания на свою особу и оставался на достаточно далёкой дистанции. Разочаровавшись его нерешительностью и не желая напрасно терять время, большинство его поклонниц переключались на других мужчин, более расположенных к кратковременным романам.

Один-два бокала хорошего сухого вина в течение завтрака и на ночь, крепкий сон в удобной постели одноместной каюты, созерцание морских красот, чаще всего в ранние утренние часы, плавание в открытом бассейне, лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт с донимавшими его женщинами – вот, пожалуй, и всё, чем он в основном занимал свой досуг. Чувствуя, как в поездке истает душевная подавленность, угнетавшая его последние год-полтора, Костя не жалел, что отправился в плавание.

В Марселе они должны были простоять три дня. Пассажиров посадили в автобусы и повезли показывать местные достопримечательности.

В центре города, кажется, на бульваре Ла-Канебьер, довольно узком и небольшом, группу, в которой находился Костя, высадили, чтобы ошеломить видом на знаменитую базилику Нотр-Дам-де-ля-Гард, и вот тут...

Увидев, что шнурок его туфли волочится по асфальту, он наклонился, ухватил тесьму и в одно мгновение завязал на бант. Быстро выпрямившись, покачулся, шагнул куда-то в сторону, стараясь удержать равновесие, и вновь едва не столкнулся с той самой женщиной, которая так бесцеремонно отчитала его на борту «Сенявина». Вместе с другими экскурсантами она вышла из второго автобуса и проходила мимо Кости, не замечая его.

– Осторожнее! – воскликнула она. – Вы чуть не наступили мне на ногу.

В этот момент послышался шум мотора, возле тротуара остановился автомобиль, и из него вышли двое в морской форме. Один из них приблизился к незнакомке, козырнул и сказал:

– Юлия Иннокентьевна?

– Да, а в чём дело?

– Разрешите представиться: Николай Перфильев, четвёртый помощник капитана теплохода «Адмирал Сенявин». Несколько минут назад поступило сообщение. С вашим дядей случилось несчастье. Просим вернуться на корабль. Заберёте вещи – и в аэропорт. Через полтора часа вылет в Москву.

– Несчастье? С дядей? Но почему мне не позвонили?

Юлия Иннокентьевна начала шарить по своей сумочке, нащупывая замок: видимо, она хотела достать телефон.

– Не знаю, почему вам не позвонили. Садитесь в машину – нельзя терять ни секунды. С Москвой свяжетесь по дороге.

Человек, назвавшийся четвёртым помощником капитана круизного судна, сделал движение, как бы собираясь направить женщину к машине, но она сама забралась в салон и опустилась на заднее сиденье.

– Борис Михайлович, а вы что стоите?! – обратился к Косте человек в морской форме. – С президентом вашей компании несчастье, а вы... Прошу! – он указал на открытую дверцу машины.

– Но я не Борис... – запротестовал Костя.

– Знаем, мы всё знаем, – его ловко впихнули на заднее сиденье, и он очутился рядом с Юлией Иннокентьевной. Люди в форме сели следом: один рядом с шофёром, второй – справа от Кости. В то же мгновение машина сорвалась с места и помчалась по улице.

– Это какое-то недоразумение! – воскликнул Костя, обращаясь к Перфильеву. – Я не...

Он вдруг вспомнил, что видел его на круизном судне. Да-да, видел, только там этот господин был обычным пассажиром. Никакой это не помощник капитана...

– Вы не тот, за кого себя... – начал было он разоблачительную речь.

– Перестаньте, – сказала, брезгливо поморщившись, Юлия Иннокентьевна и отодвинулась, чтобы не соприкасаться с ним.

– Да уж, перестаньте, Борис Михайлович, – фамильярно произнёс моряк, сидевший рядом с Костей, и ладонью хлопнул его по бедру; сквозь хлопок почувствовался лёгкий, как от иголки, укол. Костя успел заметить, что Юлия Иннокентьевна достала телефон, поднесла его к уху и сказала: «Алё, Алевтина Григорьевна?» Затем перед глазами у него поплыло, и он потерял сознание.

* * *

Очнулся он уже в этом сарае. Юлия Иннокентьевна, раскинув руки, без чувств лежала в противоположном углу. В себя она пришла только минут через пятьдесят, и у Кости было достаточно времени, чтобы рассмотреть её. Но разве можно изучать черты женщины, находящейся в столь беспомощном состоянии!.. Нет конечно. Поэтому он не воспользовался своим преимуществом. Ко всему прочему, он почти сразу понял: с ними случилось нечто ужасное, и тем более ему стало не до любования женскими прелестями.

Почувствовав себя способным держаться на ногах, он подошёл к двери и несколько раз подёргал за скобу. Убедившись, что дверь замкнута, принялся стучать, а когда это ни к чему не привело, прильнул к оконным прутьям и крикнул, чтобы кто-нибудь пришёл и выпустил их. Прислушался. Снаружи доносились только птичьи клики и какой-то отдалённый монотонный шум. Он снова крикнул, потом ещё и ещё...

Никто так и не появился. Костя вернулся к дверному полотну и загрохал в него ногами – всё было бесполезно. Доведя себя до крайнего утомления, шагнул к подстилке, сел и бездумно уставился в каменную стену.

Мысль о похищении возникла внезапно. Точно, похитили! Но зачем? Какой интерес заниматься им, мелким торговцем цветами, недавним инвалидом, причём во Франции? Если на то пошло, гораздо проще это было сделать прямо в Рябиновке. Непонятно всё это... Если за него хотят получить выкуп, то много ли может дать несчастная Варвара Степановна? Даже если продать дом с тепличным хозяйством, окупит ли вырученная сумма затраты на организацию и проведение операции с похищением? Может и окупит, но то, что останется сверх всего, будет таким мизером! Нет, тут не выкуп, тут что-то другое. Неужели их хотят пустить на органы?!

От тягостных размышлений его отвлёк шорох в противоположном углу сарая. Он повернул голову и увидел, что Юлия Иннокентьевна сидит, прислонившись к стене, и смотрит на

него подозрительным взглядом. Заметив встречный взгляд, она одёрнула юбку, ухитрившись натянуть её на колени, и сказала:

– Это ваших рук дело?

– О чём вы говорите?

– Об организации похищения.

– Господь с вами, мадам! Да я в таком же положении, что и вы.

– Вы лжёте.

– Зачем мне лгать?

– Затем! Вы лживы от природы и способны на любые проделки. Я всегда удивлялась, почему мой дядя терпит вас.

– Я лгу, я способен на проделки! И такие слова бросать в лицо совершенно незнакомому человеку! Ну знаете, всему должен быть предел.

– Хватит притворяться! Вы всегда...

– Да кто притворяется-то?! – Костя был вне себя от возмущения. – Что вы привязались ко мне?! Сначала на корабле, теперь здесь. Да если бы я организовал похищение, разве сидел бы я вместе с вами в этой тюрьме?!

Всё так же подозрительно глядя на него, женщина некоторое время молчала, видимо, обдумывая ситуацию.

– Ну, если не вы, то... Скорее всего, они намерены получить выкуп за нас обоих.

Костя прямо-таки подскочил на своей постели.

– Какой выкуп, что вы городи... Что вы говорите! С меня и взять-то нечего. У меня дома-то своего нет, живу у...

– Дома у него нет, жить ему негде! – женщина ехидно и зло рассмеялась. – А просторная двухуровневая квартира на Кутузовском, а вилла возле «Холмогоров», не помню уж, сколько там у вас гектаров земли, а поместье в Алексеевском районе, а ещё вилла в Андалузии, замок в районе Мантре – это кому принадлежит? А дорогие автомобили, самолёты, вертолёты, да много чего ещё! Сколько можно прикидываться, Борис Михайлович, вам не надоело? И не старайтесь изменять свой голос. Право, это несколько вас не красит. Говорите обычным голосом – таким, какой мы все, хорошо знающие вас, привыкли слышать.

– Опять Борис Михайлович! Как я понимаю, вы решили поиздеваться надо мной?! Или, может быть, это вы с ними заодно?!

– С кем?

– Ну, с этими... похитителями.

– Я заодно с похитителями! Вот это новость! Борис Михайлович, постыдились бы, подумайте, о чём вы говорите! Когда вы только угомонитесь? Увязались за мной в такую даль, испортили мне поездку и даже здесь, в этом затхлом сарае, ломаете комедию. Ну что вы пялитесь на меня, как на ...?! В конце концов, непристойно так смотреть на женщину.

– «Пялитесь»! Экое слово-то нашли – постеснялись бы незнакомого человека. Обвиняете меня бог знает в чём и вдобавок оскорбляете.

– Я вас оскорбляю?! Да вы...

Наверное, они долго бы ещё препирались, но снаружи послышались шаги, заскрежетал засов, заскрипели петли, дверь отворилась, и к ним вошли несколько человек, и с ними один из тех, кто усаживал их в машину на улице Марсея и назвался Перфильевым.

Им велели подняться, поставили рядом, плечом к плечу, и заставили говорить в видеокамеру, умоляя какого-то Бронислава Арнольдовича о выкупе.

Юлия Иннокентьевна без промедления произнесла требуемые фразы, а Костя опять стал объяснять, что, мол, это недоразумение, что его принимают за кого-то другого. Не дослушав, его с размаху огрели резиновой дубинкой по печени. Хватая ртом воздух, он рухнул на колени

и повалился на каменистый грунт, служивший полом. Отдышавшись, встал на ноги и повторил всё, что ему продиктовали.

– Вам больно? – спросила Юлия Иннокентьевна, когда они остались одни и Костя скорчился на своём тюфяке. В её голосе послышалось сочувствие, но он ничего не ответил. Ему действительно было нехорошо, и он не желал участвовать ни в каких разговорах.

Женщина тяжело вздохнула и тоже замолчала. До самого вечера они не произнесли больше ни слова.

* * *

Это было позавчера. В тот день за Костей приходили. Вывели из сарая. Когда он замедлил шаг, чтобы осмотреться и получить более полное представление о местности, его ткнули в спину прикладом автомата и велели не оглядываться.

Они шли не долго, не больше минуты. Боковым зрением он разглядел слева водную поверхность – какую-то бухту – и стоявшее у коротенькой пристани, протяжённостью тридцать-сорок метров, судно с мачтами и свёрнутыми парусами. С правой же стороны возвышались тёмные отвесные скалы. Подошли к низкому невзрачному домику вроде горной сакли, прошли в дверь и очутились в довольно тесной прямоугольной комнате с голыми стенами и опущенными на окнах жалюзи. В задней глухой стене выступал ещё один дверной проём, за которым, видимо, было второе помещение. За пустым столом возле окна сидел худощавый человек с бородкой клинышком. Немного в стороне в плетёном кресле возлежал уже знакомый Перфильев, только в этот раз, как и на «Сенявине», он был в обычной гражданской одежде.

– Мы приняли вас за Бориса Михайловича Камцева, – сказал человек с бородкой, окинув Костю продолжительным зорким взглядом, – за Камцева, вице-президента компании «Алмазы севера» – опору и сподвижника Бронислава Арнольдовича Белогорского, алмазного короля, одного из богатейших людей России. Как вы, наверное, догадываетесь, Камцев тоже не из бедных, на его счетах – сотни миллионов, помимо всякой недвижимости и разных ценных бумаг. Так вот, мы хотели получить за вас и ту даму, – он кивнул головой в неопределённом направлении, вероятно, имея в виду оставшуюся в сарае Костину сокамерницу, – по пятьдесят миллионов долларов. Нам пришёл ответ: за Юлию Иннокентьевну, любимую племянницу Белогорского, выкуп будет готов, а что касается вас... Мы узнали – Камцева на теплоходе «Сенявин» не было, и сейчас он находится на территории России. То-то мы всё думали, где ваша охрана, неужели она так умело маскируется. Естественно, встаёт вопрос: кто же тогда вы? Расскажите о себе.

Костя немногословно поведал. Кто он, откуда и как оказался на круизном теплоходе.

– М-да, – выслушав его, произнёс человек с бородкой, – собственно, ничего, кроме мимолётных иллюзий, мы не потеряли. Ведь на первых порах мы только на племянницу Белогорского и рассчитывали. Вас мы взяли по ошибке.

– Как же быть с ним? – спросил Перфильев и изучающе взглянул на Костю. – Может, использовать в качестве двойника? Хотя бы в разовом порядке.

– Да ладно вам... Какой ещё двойник, – равнодушно ответил «клинобородый», очевидно, главный среди людей, окружавших его. – Нет, пусть всё идёт по прежнему сценарию.

Костю повели обратно, и по пути он, не поворачивая головы, более подробно рассмотрел и сарай, в котором их содержали, и бухту, и холмы, и горы на востоке.

Всё окончательно встало на свои места. Он и в самом деле жертва недоразумения. Его перепутали с другим человеком, и вот он здесь, на краю Сахары, на берегу океана. Этот Камцев, с которым они, видимо, похожи как две капли воды, хорошо знаком с Юлией Иннокентьевной, чем-то ей антипатичен, отсюда её нападки на корабле, да и в сарае тоже.

От раздумий над превратностями судьбы его вывел голос племянницы Белогорского.

- Ну и зачем вас вызывали? Надеюсь, вас там не били?
- Нет, не били, просто со мной беседовал один интеллигентный на вид человек.
- О чём?
- Так, о смысле жизни, о том, как иногда она, жизнь, смеётся над нами.
- Я серьёзно спрашиваю.
- А я серьёзно отвечаю.
- Вы невыносимы.
- Я это запомнил – я не впервые слышу от вас эти слова.
- Вы, может, и чай с ними распивали?
- Нет, чай мне никто не предлагал.
- Но о чём-то всё же шёл разговор?
- Шёл... О том, что если бы Борис Михайлович Камцев женился на вас, то ему бы крупно не повезло.
- Вы шутите? Такого разговора быть не могло.
- Отчего же. Жизнь такая штука – в ней может произойти всё, что угодно. И мне не до шуток.
- Вы заговорили совершенно по-иному. Какой-нибудь час назад вы не были таким.
- Возможно, и не был. Всё течёт, всё изменяется, в том числе и мы сами. Совсем недавно вы кривились при одном моём слове, а сейчас не брезгаете первой заговаривать со мной.
- Вы так и не ответили на мои вопросы.
- Да нечего отвечать, нечего.
- Так уж и нечего!
- Они перепутали меня с другим человеком.
- С кем? С Камцевым?
- Возможно. Да что возможно – именно так и есть. У меня уже ум за разум заходит – прошу вас, оставьте меня в покое.

* * *

...Дверь заскрипела, и Костя открыл глаза. Кажется, он задремал. Он медленно повернулся и сел.

У двери, прислонившись к косяку, стоял охранник с бутылкой в руке. Зачем он здесь? Ведь до доставки пищи ещё не скоро. Хотя какая пища! Их же должны утопить. Дихлофос приходил какой-нибудь час назад. И впятый. Ах да, он же говорил, что вскоре снова придёт.

Женщина сидела в противоположном углу, поджав под себя ноги. Пройдясь по ней глазами, охранник посмотрел на Костю.

– Я думал, ты прикидываешься, а ты, оказывается, и правда не тот, за кого тебя принимали. Всамделишный Камцев у себя дома. А ты так – никто, не пришей кобыле хвост. Но для тебя это не имеет никакого значения, всё равно пойдёшь на корм рыбам. Плохо только, выкупа за тебя не будет.

«К чему эти разглагольствования? – подумал Костя. – Он же присутствовал при моём допросе и знает всё от и до. Зачем начинать всё сначала? Просто для пустой болтовни? Или для того, чтобы лишний раз напомнить о моей близкой смерти и тем самым ещё больше психически пришибить? В прошлый раз зачем-то причислил к миллиардерам, теперь это...»

Оставив его, Дихлофос повернулся к Юлии Иннокентьевне, и губы его раздвинула непристойная улыбка. Пленница отодвинулась ещё дальше в угол и попыталась натянуть юбку на колени; лицо её словно застыло.

– Ну как, славнушечка, соскучилась по настоящему мужику, а? – охранник отпил из горлышка, сделал глоток, ещё отпил и поставил бутылку на пол. – Соскучилась, вижу. Хочешь,

мы с тобой сейчас развеем скуку, – он медленно, не отводя взгляда, двинулся к ней. Женщина вскочила на ноги и прижалась к стене.

– Не подходите ко мне!

– Ну-ну, пташечка, не трепыхайся, упорхнуть тебе некуда. Не трепыхайся, говорю, – пьяно рассмеявшись, охранник схватил её за руки и притянул к себе. – Как, шибко я тебе нравлюсь? Что глазёнки-то вытаращила? Или испугалась чего? Не бойся, я с бабами аккуратно обхожусь.

– Помогите! – в ужасе закричала женщина. Она попыталась вырваться из мужских объятий, – о господи!.. Помогите!

– Не кричи, глупая, некому тебе помочь. И не напрягай ручонки-то, не напрягай, отломаться ещё, а мне ты нужна в целости. Смотри-ка, царапается! Вот голова садовая, тебе же сегодня каюк будет – не всё ли равно, какой ты пойдёшь на тот свет? Для кого ты себя бережёшь?

Всё происходившее потом было настолько страшно и безобразно, что Костя не мог вспомнить без содрогания.

В один прыжок он очутился возле охранника и обхватил его сзади, пытаясь повалить. Оставив женщину, Дихлофос без видимых усилий стряхнул с себя неожиданного противника и вытащил из кобуры пистолет. Чёрное дуло заглянуло Косте в глаза и заставило отступить. Но выстрела не последовало. На широком лице вертухая появилась ироничная улыбка, рука с зажатым пистолетом пошла вверх и в сторону. Костя пригнулся, чтобы поднырнуть под неё, однако, следя за пистолетом, он упустил из виду другую руку Дихлофоса. От удара пудовым кулаком в голове сотряслось, и он распластался на полу. Спустя сколько-то секунд из зыбкой пелены сарая выступил силуэт гигантской фигуры. Костя сделал усилие, чтобы откатиться в сторону, но опять не успел. От удара ногой по рёбрам перехватило дыхание. Затем последовали удары в живот и...

Когда сознание стало возвращаться, он услышал хрипы, возбуждённое дыхание и открыл глаза. В нескольких шагах Юлия Иннокентьевна из последних сил сопротивлялась навалившемуся на неё охраннику. Костя перевернулся на живот, отхаркнул кровь, поднялся на четвереньки и потащился к борющимся.

Он потянулся, чтобы ухватить охранника за шею, но в последний момент заметил торчавший из незастёгнутой кобуры пистолет. Рифлёная рукоять удобно легла в ладонь. Удар по затылку, за ним второй, третий – Дихлофос обмяк и сделался недвижим. Кое-как спихнув тяжёлую тушу с женщины, Костя обессиленно упёрся лбом в пол. Он опять чуть не потерял сознание, так ему было дурно. Всё ему казалось нереальным, фантазмагоричным.

Услышав необычные муторные звуки, он поднял взгляд от пола. Женщина стояла на коленях и содрогалась в мучительных рвотных позывах.

Не зная, как помочь ей и боясь возникновения чувства «солидарности», Костя отвернулся, сел и отрешённо уставился на стиснутый в руке пистолет. Первый неосмысленный импульс был – избавиться от оружия, как от чего-то чужеродного, но... Ну уж нет, зачем избавляться, эта штука ещё может пригодиться. Оттянул назад затвор или кожух затвора – он не знал правильного названия этой детали – и увидел через открывшееся окошечко жёлтый патрон в канале ствола. Помедлив, вернул затвор на место и покачал пистолет на ладони, прикидывая его на вес. Он вспомнил, что их должны уничтожить, сбросить в море с вертолёта, вспомнил, что все дни, проведённые в сарае, думал о побеге. Вот и выдался для этого случай. Следовательно, надо бежать, сейчас или никогда.

Обшарив охранника, Костя вынул у него из кобуры запасной магазин.

Женщину уже не рвало. Отвернувшись к стене, она оправляла одежду, приглаживая юбку и застёгивая уцелевшие пуговицы на светлой порванной кофточке, и вообще приводила себя в порядок. Лишь редкие прерывистые вздохи выдавали её душевное состояние.

«Сильная, – уважительно подумал Костя, имея в виду характер женщины, – быстро приходит в себя».

Дихлофос, растянувшись поперёк сарая, лежал без движения и не подавал признаков жизни. Пошатываясь, Костя подошёл к двери, распахнул её и зажмурил глаза, отвыкшие от яркого света. Когда он разомкнул веки, его взору предстал тот самый тёмный холмистый пейзаж, который открывался из зарешеченного окна и который он видел, когда его вели после допроса.

– Куда вы? – надломленно донеслось из глубины сарая. Костя почувствовал – женщина стыдится происходившего минуту назад между ней и охранником.

– Надо посмотреть, что там снаружи.

– Я с вами.

– Как хотите, – Костя перешагнул через порог и крадучись двинулся вдоль стены. Пистолет снят с предохранителя, указательный палец на спусковом крючке. Оружие придавало уверенности, с ним можно было на равных постоять за себя. Он чувствовал, что силы возвращаются, и мог передвигаться уже достаточно быстро. Женщина почти неслышно следовала за ним.

Он осторожно выглянул из-за угла. В сотне метров стоял одинокий домик с пологой односкатной крышей, куда его водили на допрос. Как и сарай, он лепился к тёмной скальной круче, был одного цвета с ней, и его непросто было разглядеть и с воздуха, и откуда-нибудь со стороны: с моря его закрывал высокий обрывистый утёс.

Левее домика простиралась уже виденная им ранее укромная бухта, хорошо защищённая от волн естественным молом с зигзагообразным верхом. Лишь узкий фарватер соединял её с открытым морем. Даже в сильный ветер в ней должно быть относительно спокойно. Прямо напротив домика, у крохотной пристани, виднелся тот же самый двухмачтовый парусный корабль, с которого были спущены сходни.

– Так вы, стало быть, не Борис Михайлович, – услышал он сзади.

Костя оглянулся. От недавнего потрясения Юлии Иннокентьевны, кажется, не осталась и следа. Молодая женщина выглядела спокойной, в глазах её светился неподдельный интерес. Если бы не порванная на плече кофточка и проглядывавшая в отверстиях ткани молочная кожа, ничто не напоминало бы о недавнем происшествии в сарае. «Ну и характер, – подумал он. – После такой передряги...»

– Это хорошо, что вы не Борис Михайлович, – не унималась женщина. – Как вы уже, наверное, поняли, я терпеть его не могу, и есть за что. Но внешнее сходство – удивительное. Вас отличают только некоторые интонации голоса и, может быть, едва заметная разница в цвете глаз – это я уже потом присмотрелась.

– Значит, вы присматривались.

– Да, присматривалась, а что тут такого? Я же говорю – я искала различия между вами.

Юлия Иннокентьевна высунулась из-за его плеча. Не оглядываясь, он отпихнул её назад, ощутив предплечьем тугую округлость её груди.

– Руки, руки, сударь! Что за безобразие! Не смейте прикасаться ко мне! То, что вы избавили меня от этого негодяя, не даёт вам право...

– Да перестаньте вы! – поморщившись, прошипел Костя. – Нашли время демонстрировать свой норов!

Женщина возмущённо фыркнула, но, видимо, не нашлась, что ещё сказать.

Он продолжил наблюдение. Все эти дни никого, кроме охранника, здесь не было. Корабль из бухты, скорее всего, никуда не уходил. Лишь дважды садился вертолёт – спутать звук его двигателя ни с каким другим невозможно, – и тогда появлялись новые люди. Первый раз это было, когда велась съёмка видеокамерой, второй – когда его уводили на допрос. Ни в домике,

ни на корабле не должно было находиться ни одного человека, но это только предположение. Нельзя исключать, что кого-то сюда доставили в последний рейс.

Он подождал ещё – нигде ни души. Выскользнув из-за угла, он устремился вперёд, придерживаясь сначала торца сарая, затем основания утёсов, к которым жались постройки. Женщина не отставала ни на шаг. Короткая пробежка, и он пристроился за обломками скал, которыми было усеяно подножие кручи. Холёная ладошка Юлии Иннокентьевны коснулась его плеча.

– Руки, руки, сударыня! – на одной ноте прошептал он, не отрывая взгляда от домика. – Что за безобразие! Не смейте прикасаться ко мне!

– Ах какой вы! Мужчине не подобает...

– Тихо, придержите свой пафос для более удобного случая. Честное слово – сейчас не до пререканий.

Ещё пробежка до следующего нагромождения камней, непродолжительная передышка – и вот они уже под забранным жалюзи окном домика.

– Вам не кажется, что вы убили его? – горячо дыша ему в ухо, прошептала Юлия Иннокентьевна.

– Кого?

– Охранника.

– Не знаю.

– А как вы думаете?

– Да замолчите вы! Не шевелитесь. Стойте где стоите.

Миновав окно, Костя выпрямился и приблизился к двери, затаил дыхание, прислушался. Гулко билось сердце, с лица струился пот, затекая за воротник рубашки. Пистолет на уровне головы, дулом вверх – так, как показывают в кинофильмах. Он оглянулся на корабль – палуба пуста, в рулевой рубке никого. Медленный, неслышный поворот дверной ручки. Дверь была не заперта. Резким движением он распахнул её и выставил перед собой пистолет, приготовившись стрелять. Взгляд отсканировал голые стены и остановился на внутренней двери. Он пересёк помещение и проверил вторую комнату – в ней тоже никого не оказалось.

– Ну что? – послышалось за спиной. Юлия Иннокентьевна вошла в первую комнату и остановилась возле порога.

– Что «что»?

– Есть кто-нибудь?

– Разве вы не видите?

– Я вас спрашиваю – неужели нельзя ответить по-человечески!

– По-человечески – это как?

– Ну, сказать, что никого нет?

– А, понятно. Ну так вот, отвечаю: в домике никого нет. Вы довольны?

– Перестаньте иронизировать. Я вижу, что с некоторых пор вы поумнели – вон как разговорились. А недавно ещё двух слов не могли связать. Только и можно было услышать от вас: «Но я...», «Но вы...» А сейчас... Имейте в виду: со мной эти фокусы не пройдут! Я...

Не слушая её, Костя осматривал помещения. Во второй комнате хранился довольно значительный оружейный арсенал. Небольшой по размерам пистолет в кожаной кобуре, два короткоствольных автомата незнакомой конструкции, а также ручной пулемёт РПК и давным-давно снятый с производства родной СКС – самозарядный карабин Симонова. В армии одно время Костя с таким ходил в караул. Зачем устаревшее российское оружие приволокли сюда, он не мог даже предположить.

– К вашему сведению, я племянница самого Белогорского, – надменно продолжала говорить Юлия Иннокентьевна. Голос её начал звенеть, приобретая металлический оттенок, – круг моих друзей и знакомых – элита российского общества. Люди же, подобные вам, не принима-

ются у нас даже в качестве прислуги. Поэтому, прежде чем что-нибудь сказать в моём присутствии, вам надо хорошенько подумать, дабы сохранить хотя бы видимость приличного, культурного человека.

«Племянница» отчитывала Костю, следуя за ним по пятам.

– Вы должны...

– Вы задвинули засов на двери сарая? – спросил он, прерывая её монолог. – Вы ведь уходили последней.

– На засов? – переспросила она, поднимая брови. – Не помню. Сейчас я схожу посмотрю. Нет, лучше вы сами сходите.

– Прежде надо проверить, нет ли кого на корабле. Давайте сделаем так: я пройду на судно, а вы меня подстрахуйте. Стреляли когда-нибудь из ружья? Да? Значит, у вас есть навык. Возьмите карабин. Это почти то же самое, что ружьё. Карабин на предохранителе. Если увидите кого, откиньте вот эту скобу и стреляйте. Помните: в магазине десять патронов. Держите под прицелом корабль, ну и одним глазком поглядывайте в сторону сарая.

Уже оказавшись на борту корабля, он оглянулся. Юлия Иннокентьевна устроилась за большим валуном, лежавшим метрах в пятнадцати от кромки воды и, прижав приклад карабина к плечу, смотрела на корабль вообще и на Костю в частности. Лицо её, в этот момент спокойное и сосредоточенное, отключённое от посторонних мыслей, делало её похожей на простую молодую бабу, добрую и отзывчивую.

Вот она бросила взгляд на сарай, и опять всё внимание на корабле. Костя встретился с ней глазами, какое-то время, совсем недолго, они смотрели друг на друга, затем он отвернулся и, взяв пистолет на изготовку, двинулся к рулевой рубке.

На судне тоже никого не было. Костя проверил и каюты, и машинное отделение, и все подсобные помещения.

– Ну, есть там кто-нибудь? – крикнула Юлия Иннокентьевна, когда он вновь появился на палубе.

– Никого.

– Можно мне пройти туда? Я тоже хочу посмотреть.

– Почему вы спрашиваете? Разве я начальник над вами? Мы здесь с вами на равных. Пожалуйста, смотрите, сколько влезет. А я схожу, проверю сарай.

– И я с вами. Я не хочу оставаться одна.

– Неужто страшно?

– Есть немного.

– Хорошо, пойдёмте вместе. А то мне одному тоже страшно.

– Вы это серьёзно говорите, не шутите?

– Ещё бы не серьёзно! Шутка разве – противодействовать бандитам! У меня в этом деле опыта ни на маковое зёрнышко, а они только и занимаются тем, что изо дня в день калечат и убивают добрых людей. Да я весь дрожу.

При последних словах Костя улыбнулся, и Юлия Иннокентьевна поняла, что по крайней мере наполовину он всё-таки шутит. Она с облегчением вздохнула и улыбнулась в ответ.

Спустившись по сходням, Костя посмотрел на домик, на корабль и на всю акваторию бухты.

– Вопрос: как они здесь обосновались? – задумчиво проговорил он. – И почему их отсюда не вытюрят? Бухта-то удобная, можно использовать для каких-нибудь хозяйственных целей.

– Кто обосновался? Эти разбойники, наши похитители? Что тут непонятного – кто-нибудь их прикрывает, получая за это мзду, – с уверенной небрежностью ответила Юлия Иннокентьевна, вслед за ним оглядывая бухту. – Разве продажные чиновники только в России! Их везде полно, но в России, конечно, они кишмя кишат из-за бездействия высших властей.

Юлия Иннокентьевна, до того державшая карабин наперевес, повесила его на ремень через плечо.

– А почему бухту не используют местные жители? Много ли толку от неё! На десятки и десятки километров и на юг, и на север, я уж не говорю про восток, скорее всего – одна голая пустыня. Даже в бурю здесь укрыться непросто: фарватер-то, соединяющий бухту с морем, узкий, – попробуй, пройди им при сильном ветре и крутой волне. Словом, ни на какие хозяйственные цели она не годится, и лучшего прибежища бандитам не найти. Они-то наверняка заходят сюда при необходимости. В хорошую погоду, разумеется.

– Далеко не все согласятся с вами, – сказал Костя, – что наши власти не противодействуют продажному чиновничеству. Многие сотни и тысячи их уже осуждены.

– Это всё частные случаи. Нужна системная работа.

– И у вас, конечно, имеется рецепт, как её начать, – Костя состроил гримасу, заменившую улыбку.

– Конечно имеется, я уже думала над этим. Прежде всего, я провозгласила бы идею создания общества честных, порядочных людей, которая переросла бы в национальную идею. С неё я начинала бы и заканчивала каждый свой день. Это стало бы стержнем моей работы, который непременно начал бы обрастать сонмом высоко нравственных, добросовестных специалистов. На эту основу постепенно перешло бы всё общество, и мы устремились бы вперёд семимильными шагами.

Костя отвернулся, чтобы женщина не заметила иронию на его лице, которую он не мог подавить.

«Если бы да кабы, – мысленно проговорил он. – Все мудрецы, пока не дойдёт до дела». Вспомнив о миллиардах Белогорского и о том, как они могли быть заработаны, испытал знакомый прилив злобного раздражения: «Чья бы корова мычала... У самих рыло по уши в шерсти».

Товарищи по несчастью немного прошли берегом и повернули к своей недавней темнице. Дверь её была не только не закрыта, но даже распахнута настежь.

Костя тихонечко присвистнул.

– Вы её так и оставили? – спросил он свою спутницу.

– Я не помню.

– Не помню! Ладно, подождите здесь. Кстати, почему карабин за плечом? Возьмите на изготовку и будьте внимательны. Смотрите, чтобы к вам откуда-нибудь не подобрался.

В свою очередь подняв пистолет, он направился к тёмному прямоугольнику дверного проёма. Дихлофос силён, как медведь. Не исключено, что он только оглушил его. Сколько ударов он нанёс ему – три или четыре? Хотя какое теперь это имеет значение. Эх, Юлия Иннокентьевна, и надо же было вам оставить сарай незапертым! Но ты и сам тоже хорош, подумал он про себя, ты-то куда смотрел? Да ты про дверь, когда уходили, вообще забыл, а теперь хочешь свалить всё на эту бабу!

Ещё на подходе к двери он стал понимать, что сарай пуст. Но всё-таки заглянул в тёмное его чрево и пробежал глазами по углам.

– Охранника там нет, – сказал он, отступая на открытое пространство и поводя по сторонам стволом пистолета.

– Где же он тогда? Пока вы лазили по яхте, я не спускала с сарая глаз.

– Не знаю. Вполне возможно, засел где-нибудь и наблюдает за нами.

– Но он нам не так уж страшен – ведь у него нет оружия.

– Это ещё неизвестно, есть оно у него или нет. Пойдёмте-ка назад, к домику. Как бы он не опередил нас и не встретил из пулемёта.

* * *

Они повторили недавний путь от сарая, постоянно озираясь и, по мере возможности, двигаясь так, чтобы не подставить себя под выстрелы. Засада могла быть в любом месте. В том числе и в домике – раз Дихлофос способен действовать, то вполне мог забраться в него, пока они ходили туда-сюда. Открыть по ним огонь он может прямо из окна. Или откуда-нибудь сверху, со скал. Опасность теперь виделась на каждом шагу.

– Что вы собираетесь делать? – приглушённо спросила Юлия Иннокентьевна.

– Убраться отсюда. И поскорее. Я думаю, надо взять еды и побольше питья и пойти берегом на север.

– Берегом?! Мне не нравится ваша идея. Мы не успеем пройти и пяти километров, как прилетит вертолёт. Вспомните, что говорил охранник: сегодня ночью, а может, уже вечером, нас должны сбросить в море. Он сообщит прилетевшим о побеге, нас настигнут и расстреляют с воздуха. А потом отправят к акулам. Или просто оставят на берегу – разных стервятников полным-полно и на суше; через день-два от наших тел останутся одни скелеты, а может, не будет и их.

Миниатюра, нарисованная Белогорской, была совсем не радужной.

– Ну, тогда я не знаю... – Костя задумался. – Если не по берегу, то остаётся только податься в горы, спрятаться там и ждать, пока здесь угомонятся. Но потом всё равно придётся вернуться к береговой черте – где-нибудь в другом месте, севернее. Сделать крюк и вернуться.

– Никаких крюков делать не надо, – ответила женщина и показала стволом карабина на корабль. – Видите эту посудину? Я предлагаю выйти на ней в море. Это будет и быстрее, и удобнее, и более безопасно.

– У вас непомерно развитая фантазия! Я никогда не управлял кораблём и вообще не знаю, как с ним обращаться.

– Вполне возможно, что я сумею управлять. Это парусно-моторная яхта, вполне пригодная для плавания в океане. Вон, прочитайте латинские буквы на борту: «Олимпия». В прошлом году я всё лето плавала на почти такой же. Я часто стояла за штурвалом, запускала двигатели и ставила паруса. Надо только найти ключ зажигания. Едва ли он на яхте, скорее всего где-нибудь в доме.

Юлия Иннокентьевна укрылась в приямке берегового обрыва, выступ которого прикрывал её и со стороны яхты, и взяла под прицел окрестные скалы.

Приняв те же меры предосторожности, как и в первый раз, Костя вошёл в дом. Ключи, сцепленные в пару, он отыскал в ящике стола первой комнаты – они в точности походили на автомобильные. Собрав оружие и прихватив две цинковые коробки с патронами, он вышел за порог.

– Нашли? – крикнула Юлия Иннокентьевна из укрытия.

– Вроде да.

Не медля, они перебрались на яхту и вошли в рулевую рубку. Свалив оружие и патроны в заднем углу, Костя достал из кармана ключи и подал женщине.

– Они?

– Пожалуй, – передав ему карабин, она встала к штурвалу, окинула взглядом приборную панель, вставила ключ в замок зажигания, проверила пальчиками, хорошо ли он встал в нужном месте, выждала секунду, собираясь с духом, и включила контакт. Где-то в глубине яхты, в стороне кормы, заурчало, затарахтело, как стартёр в машине, но гораздо мощнее, и на этом работа судовых механизмов прекратилась. Только слышался плеск волн за бортом да крики чаек в вышине. Но после повторной попытки двигателя запустились, и корпус яхты наполнился ровным успокаивающим гулом.

– Не видел бы, не поверил, что это так просто, – сказал Костя.

– Всё гениальное – простое, – тоном знатока ответила Юлия Иннокентьевна. – Сложности с запуском судовых двигателей уже в прошлом.

В этот момент дзынькнуло стекло, по стенке рубки громко простучало, и в ней, и в боковом окне появилось несколько косо расположенных дырок. Почти одновременно со стороны скал донёсся частый стук автоматной очереди, эхом прокатившейся затем по всей бухте.

– Пригнитесь! – крикнул Костя и пригнулся сам, одновременно обыскивая взглядом впадины и выступы сложного каменного рельефа, поднимавшегося за домом. Двумя ударами приклада он выбил одно из окон, обращённых к причалу, выставил из него ствол карабина и дважды же выстрелил по абрису скал, ориентируясь на стук автомата. В тот же миг прозвучала ещё одна очередь; на этот раз пули проделали дырки в стенке рубки под потолком.

Выше дома и правее его, в разъёме между валунами, шевельнулась едва заметная тень, и Костя выстрелил, уже зная, где противник. Опять послышалась автоматная очередь, но теперь явно били в белый свет: человек спрятался за валуном и стрелял вслепую.

– Швартовы, швартовы! – прокричала Юлия Иннокентьевна. – Нам не отойти от пристани! Надо освободить яхту от швартовов! – прикрывая голову руками, она лежала на полу рубки.

Освободить от швартовов! От причальных канатов, значит. Это надо сделать быстро, только – как? Где-то он видел топор, когда осматривал помещения судна. Ага, топор висел на пожарном щите, и он вспомнил, где этот щит находится!

– Юлия! – крикнул он, для краткости не называя женщину полным именем. – Юлия, возьмите карабин, прикройте меня огнём!

Но Юлия Иннокентьевна от страха была не в состоянии подняться с пола. Между валунами в очередной раз двинулась всё та же нечёткая тень; Костя выстрелил туда и довольно удачно: пуля подняла каменные брызги на середине одной из кромок разъёма, впритык к контуру тени.

– Стреляйте, Юлия! – крикнул он, прислоняя карабин к стенке, и, пригнувшись, метнулся к противоположному от берега выходу из рубки.

Всё происходившее затем запомнилось ему до мельчайших подробностей. Он уже не волновался и действовал строго по ситуации. Подобное и прежде бывало с ним в минуты серьёзной опасности.

Прикрываясь рубкой и продолжавшейся за ней остальной палубной надстройкой, он проскочил на корму и сорвал висевший на пожарном щите топор. Теперь к швартову; вон он, этот канат на кнехте – парной стальной тумбе, – он наверняка хорошо виден и с берега.

Двумя прыжками Костя преодолел разделявшее расстояние. Молчали и карабин, и автомат. Может, ему удалось подстрелить человека, засевшего среди камней?

Он взмахнул топором – удар, второй, третий; слишком он торопится и бьёт невпопад. Аккуратнее, аккуратнее, Серьга! Осталась последняя прядь, удар – канат лопнул, и корма яхты медленно, сантиметр за сантиметром, стала отходить от причала.

И тут на скалах заговорил автомат, полетели щепки от надстройки, одна из пуль угодила в топор и чуть не выбила его из руки. Костя бросился за угол, зацепился за какой-то выступ, попавшийся под ноги, упал и юзом проехал по палубе. Приподнявшись на руках, он зажмурился и несколько секунд оставался в таком положении, пытаясь прийти в себя. Ф-фу, выдохнул он, кажется, пронесло. Остался носовой швартов.

У переднего угла рубки он остановился, чтобы глотнуть воздуха, которого так ему не хватало, и приготовиться к последнему броску. Автоматчик и он сейчас вне поля зрения друг друга, а чёртов швартов хорошо виден, до него всего несколько шагов, надо только быстро преодолеть их. Охранник, конечно, ждёт его. Ну что же, Юлия Иннокентьевна, выстрелили

бы хоть разочек, тем более внимание противника в эти секунды сосредоточено не на вас. Ну, выстрелите же, и тогда он...

В рубке, наконец, гулко ударило, как будто с размаху захлопнули тяжёлую литую автомобильную дверцу. Вот он, долгожданный выстрел! Костя ринулся к носовому канату. Он перерубил его с одного удара. «Банг, банг, банг!» – снова прогремело в рубке.

Дихлофос открыл огонь, едва он приблизился к носовому кнехту, но выстрелы из карабина каким-то образом помешали ему, возможно, от испуга охранник вздрогнул и сместил ствол в сторону. Как бы то ни было, пули прошли мимо, и лишь когда Костя, перерубив канат, устремился к спасительному углу рулевой рубки, повторная очередь зацепила его. Ему показалось, что он просто ободрался о что-то острое, и только очутившись в укрытии, увидел, как спереди, чуть ниже рёбер, и ещё сбоку рубашка мокнет от крови. «Банг, банг!» – гремело в рубке.

«Вот видишь, как всё просто, – сказал он себе, пытаясь унять дыхание, – а ты переживал». Подумалось, что пришёл конец. Помощи здесь ждать не от кого, начнётся воспаление брюшины или гангрена со всеми вытекающими последствиями и... Эх, вот невезуха-то, и всего один шаг оставалось за угол шагнуть.

Задрав рубашку, он увидел две дырки, из обеих сочилась кровь – пуля прошла навывлет. Но боль не была слишком сильной, можно было перемогаться.

В уши вошёл гул двигателей. Яхта была свободна, и из бухты надо уходить. Костя посмотрел в рулевую рубку и увидел, как Юлия Иннокентьевна целится в сторону скал и нажимает на спусковой крючок. Но выстрелов не следовало: магазин был пуст, и затвор оставался в заднем положении.

По рубке, выбивая остатки боковых стёкол, жახнула ещё одна очередь.

Прижимая ладонями рубашку к боку и животу, он протаскился через распахнутую дверь и сдавленно проговорил:

– Юлия, дайте мне карабин, уводите яхту!

На долю секунды их взгляды встретились. Глаза женщины были широко открыты, но в них уже не было страха; в эти мгновения она действовала механически, под воздействием какой-то неведомой внутренней силы. Она увидела кровь на его рубашке и поняла, что он ранен.

Заполучив карабин, Костя заученным, не забытым движением большого пальца вогнал патроны из обоймы в магазин, передёрнул затвор, выглянул в окно и выстрелил по разёму между валунами.

Двигатели заработали на более высоких оборотах, яхта задрожала и стала отваливать от причала, устремляясь к середине бухты.

Вдогонку одна за другой ударило ещё несколько очередей, задзынькало и посыпалось стекло в заднем окне, стенки рубки зарыбились новыми отверстиями.

На воде возле берега плавали деревянные сходни, соскользнувшие с борта яхты. Взгляд устремился дальше, к скалам, обшаривая одну выемку за другой. Наконец, удалось обнаружить охранника, который сменил позицию и стрелял теперь, чуть ли не до половины высунувшись из-за камней.

Тёмная отдалённая фигурка оказалась над чёрной палочкой мушки, вровень со срезом прицела. Задержав дыхание, Костя мягко нажал на спуск. Карабин выстрелил, Дихлофос встал почти в полный рост, затем, не выпуская автомат, повалился на камни, медленно сполз с них и полетел вниз, ударяясь о выступы; над бухтой разнёсся его предсмертный крик, подхваченный эхом. Секундой позже тело охранника скомканной куклой застыло у подножия скал.

– Ну вот и всё, – с замиранием сердца проговорил Костя, не отводя глаз от неподвижной массы, одетой в камуфляж. Не зная почему, он хотел, чтобы этот человек остался жив.

Руки его тряслись. Он помотал головой, стремясь избавиться от душившего его горлового спазма, и оглянулся на Юлию Иннокентьевну.

Женщина стояла, опустившись на одно колено и, глядя поверх нижней рамки окна, управляла яхтой.

* * *

Об исчезновении племянницы в центре Марселя, среди толпы туристов, президент компании «Алмазы севера» Бронислав Арнольдович Белогорский узнал в тот же день.

Это был мужчина лет шестидесяти, ещё полный сил, крепкого телосложения. Жёсткое выражение лица говорило – этот человек умеет отдавать приказания и добиваться их безоговорочного выполнения. Сейчас, сидя в своём кабинете, он размышлял над полученной информацией, чтобы принять единственно верное решение.

Он поднял трубку и набрал номер. Услышав голос, спросил по-русски:

– Это ты? Здравствуй, Анри, – сказал он, переходя на французский. – Как дела?.. До меня дошли слухи, будто ты хотел приобрести виллу на Лазурном берегу. Что? Не хватает денег? Сколько? И всего-то! Я дополню. Считаю, вилла у тебя уже в кармане... Не стоит благодарностей. Всегда рад услужить старому другу. По какому поводу звоню? Во-первых, чтобы помочь тебе совершить покупку... Нет, не только это. Сегодня ночью спецрейсом прибудет мой человек. Надо встретить его и оказать необходимое содействие. У него есть свои люди, но их может оказаться недостаточно. Да, дело связано с исчезновением моей племянницы. Ты же видел её, это такая сумасбродка. Подключи всех, кого считаешь нужным... Так можно рассчитывать на тебя? Ну вот и отлично. Хорошо бы встретиться, вспомнить былое... Договорились, встретимся на твоей новой вилле. Тем более что мне нужен непродолжительный отдых, в последнее время я немного подустал. Сроки обговорим. Что? Нет, всё ещё не женат. Ну, до свидания. Привет твоей Франсуазе.

По истечении пяти минут он вызвал к себе начальника службы безопасности компании.

– Присаживайтесь, Виктор Петрович, – сказал президент, когда тот появился в кабинете, и показал на ближайший стул наискосок от себя, напротив света, падавшего из окна.

Дождавшись, когда тот сел, спросил:

– Вы ведь в курсе?

– Да, Бронислав Арнольдович.

– Тогда у меня к вам вопрос: почему Юлия Иннокентьевна поехала без охраны? Ведь того, что с ней произошло, следовало ожидать.

Начальник службы безопасности поднял на президента немигающий взгляд и невозмутимо проговорил:

– Бронислав Арнольдович, вспомните скандал, который она закатила накануне поездки, и его причину. Какие оскорбления она обрушила на всех, кто...

– Я ничего не забыл.

– Но вы сказали буквально следующее: «Поезжай, бесовка, только учти – с этого момента ты мне не родня! Я отрекаюсь от тебя! Посмотрим, как ты будешь чувствовать себя без моей поддержки». Она в ответ: «Как я буду чувствовать себя без ваших денег?» Вы: «И без моих денег тоже!» Она: «Я прекрасно обходилась без них до семнадцати лет, надеюсь, обойдусь и дальше. Ишь, напугал – отрекается и денег он не даст! Видали мы таких! Прощайте, я поехала!» Вы: «Скатертью дорога!» А какие слова я услышал от вас? «Пусть едет, и никаких сопровождающих! Поняли? Ни одного! Нечего тратиться на эту психопатку. У ваших людей есть заботы поважнее, – непосредственно в компании «Алмазы севера»! Для меня эта чокнутая больше не существует. И вы забудьте о ней. Пошла она к чёрту!»

– Я погорячился. Охрану надо было выделить.

– Мы привыкли в точности выполнять ваши распоряжения. А вы тогда были более чем категоричны.

– Виктор Петрович, вы же видели, я был доведён её выходками до крайности. Надо было это учитывать... Ладно, перестанем попрекать друг друга. Что случилось, то случилось.

Секретарь принесла чай с лимоном и сахаром. Кабинет наполнился ароматом цитрусовых и пробивающимся сквозь него сложным приятным букетом южно-азиатских полей.

– Немножко коньяку? – спросил президент. – По одной ложке?

– Не возражаю.

Повернувшись в кресле, глава «Алмазов севера» достал из шкафа у задней стены бутылку дорогого коньяка. Откупорил и добавил в оба стакана немного золотисто-коричневого напитка.

Президент сделал глоток и дождался, когда из своего стакана отойдёт начальник службы безопасности.

– Ну как? – спросил он.

– Просто превосходно.

– Очень рад, что вам понравилось... Вы ведь длительное время вращались в Западной Европе, – проговорил президент, сделав ещё один глоток. Он не столько спрашивал, сколько утверждал.

– Было такое.

– Франция, Бельгия, Испания?

– Да, и кроме того – Португалия, Греция, Германия.

– У вас сохранились там старые связи?

– Мне есть на кого рассчитывать.

– Виктор Петрович, я вот о чём вас попрошу: сдайте на время дела своему заму и отправляйтесь-ка в Европу. Узнайте всё о Юлии. Привлеките к её поиску всех, кто может быть полезен. Соберите информацию о людях, организовавших похищение. В средствах я не ограничиваю. Наверняка скоро поступит требование о выкупе. К тому времени у нас должно быть достаточно козырей на руках. Надо нанести поражение этим выродкам. И вернуть Юлию – целой и невредимой. В Париже вас встретит мой старый друг. Он будет работать вместе с вами. Это надёжный и способный человек и у него есть определённые контакты с преступным миром. Самолёт уже готовится к вылету. Отправляйтесь немедленно. Не смею вас задерживать.

Они пожали друг другу руки.

– Надеюсь на вас, – сказал на прощанье президент.

– Я никогда не подводил, – ответил начальник службы безопасности. – Всё будет сделано как надо и на этот раз. К вашему сведению, я уже начал получать кое-какую информацию, связанную с похищением девочки.

– Чем больше я вас узнаю, тем больше восхищаюсь. Но – максимально активизируйте свои действия.

Три дня спустя после этого разговора президенту компании доставили видеозапись со сценой в сарае, где Юлия и ещё какой-то субъект, стоявший рядом с ней, говорили, насколько скверно им приходится, и умоляли вызволить их из плена.

Как Бронислав Арнольдович и ожидал, похитители выдвинули требования о выкупе, его только поразили размеры сумм: пятьдесят миллионов за госпожу Белогорскую и столько же за господина Камцева. Едва он закончил просмотр видеозаписи, как раздался телефонный звонок.

– Вы получили посылку? – спросили его.

– Да.

– И каковы ваши впечатления?

– Всё выполнено на профессиональном уровне.

– Следуйте нашим указаниям, и эти двое обретут свободу.

– Как у вас разыгрался аппетит, господа, – проговорил Бронислав Арнольдович, положив телефонную трубку. Он прошёлся по кабинету, вернулся в кресло и пригласил к себе вице-президента, с которым беседовал час назад.

При появлении Бориса Михайловича он предложил ему сесть и снова включил видеозапись.

– Узнаёте?

– Но это же...

– Юлия Иннокентьевна, всё правильно. А кто рядом с ней?

– Кто? Я. Нет, не я. Впрочем... Это какой-то монтаж. Нет, всё-таки не я. У этого господина другая причёска, а так...

– Ещё у него немного другой голос. Вы не в состоянии сопоставить голосовые особенности его и свои потому, что каждый человек, воспринимает свой голос искажённо. Это не ваш брат?

– У меня нет братьев, и вы это хорошо знаете.

– Кое-что я могу и не знать. Как вы слышали, за вас, то есть за человека, которого они за вас приняли, запросили тоже пятьдесят миллионов, – президент несколько мрачно улыбнулся. – Вы немало стоите, мой дорогой.

– Какие действия вы намерены предпринять? – спросил Камцев. – Выплатите требуемую сумму?

– Они дали нам трое суток на то, чтобы мы обдумали ситуацию и перечислили на их счета сто миллионов долларов. По истечении срока ультиматума, если этих денег не будет, они обещали доставлять нам своих пленников по частям. Но платить им бесполезно: так или иначе они убьют Юлию, и мы никогда не узнаем, где её останки. Мы попробуем пойти другим путём. Пока же ограничимся предоставлением доказательств, что Камцев Борис Михайлович не у них в камере, а в России, на своём рабочем месте. Пусть поломают голову. Мне кажется, на какое-то время эти сведения отвлекут их от других забот.

В течение шести суток после исчезновения Юлии Иннокентьевны из Франции и других стран к Белогорскому стекалась всесторонняя, объёмная информация о гангстерской организации, совершившей похищение. Когда с ним снова вступили в контакт, он был полностью готов вести переговоры на своих условиях.

Ему сообщили, на какой счёт он должен перечислить не сто миллионов, как было заявлено в первом раунде переговоров, а лишь половину этой суммы. Едва дослушав, он ответил, что никаких денег перечислять не намерен. Ему сказали, что, как и обещано, племянницу будут доставлять по частям.

– Сначала ей отрежут кисть левой руки. Если это не подействует, ей отрежут правую кисть, а потом – голову. Поразмышляйте на досуге, стоит ли «держат пар на марке».

Тогда Белогорский заявил, что если с Юлии упадёт хотя бы один волос, то он начнёт преследование преступников, пока не настигнет их и не уничтожит всех до единого.

– Не сомневайтесь, кара моя будет страшна, вы пожалеете, что появились на свет божий. Я предам вас такой изощрённой казни, какой никто ещё не придумывал, – сказал он, ослабляя на шее галстук. – Костёр покажется вам всего лишь желанным теплом. Я не пожалею средств, а у меня их многие миллиарды, и буду гонять вас по всему миру. Вы не спрячетесь даже в дебрях Амазонки. Хотите вы этого? Если да, то берегитесь. Вы решили поймать слишком крупную рыбу, она не по вашим гнилым зубам.

Ответ был многословным, даже очень, но Бронислав Арнольдович пришёл в такую ярость, какой давно не испытывал, и выплёскивал её, не в силах остановиться.

В заключение он сообщил, что, пользуясь своими каналами, уже начал собирать информацию о гангстерском сообществе, похитившем Юлию Иннокентьевну. У него уже имеется досье на это сообщество, правда, пока не полное, но достаточное, чтобы приступить к выпол-

нению высказанных выше угроз. Если его требования не будут учтены, то досье будет пополняться. Ему уже известно, что племянницу содержат в районе Северной Африки, как её туда доставили и даже кто. Собственно, сеть, состоящая из лучших сыщиков и киллеров, уже готова. Осталось только дать команду, и эти люди набросятся, по выражению Белогорского, «как свора гончих на лисицу, и начнут рвать вас на куски».

– Вы всё ещё не верите мне, полагаете, я блефую? – сказал Белогорский, покачиваясь в кресле и закуривая сигарету – последнее он делал крайне редко. – Тогда вот ещё некоторые доказательства серьёзности моих предупреждений.

И он назвал фамилии ряда руководителей гангстеров, адреса, по которым они проживают, членов их семей и даже прозвища некоторых из них. Ещё он назвал несколько секретных счетов в различных банках мира, на которых хранятся наиболее крупные суммы, нажитые несправедливыми путями.

– При желании я ещё вчера мог бы опустошить ваши сейфы. А Станиславу Саблинскому, я имею в виду вашего козлобородого, сообщите: если он не одумается, то перед казнью ему выдавят глаза и выдерут его паршивую бороду. Да, забыл сообщить: у вас исчезло несколько наиболее одиозных фигур, в том числе один из ваших фальшивых морячков, непосредственных участников похищения. Не ищите их: они больше не существуют в природе. Если у вас не хватает мозгов, этот список будет возрастать – лавинообразно. – Берегитесь, крысы! – повторил Белогорский. – Я всё сказал.

Закончив свой затянувшийся ответ столь эффектной фразой, алмазный король откинулся на спинку кресла, докурил сигарету, вытряхнул из пачки ещё одну и щёлкнул зажигалкой. Встал, прошёл к окну и, продолжая курить, уставился на заснеженные московские улицы. Его душила неутраченная ярость. Крысы! Отрезать руки вознамерились! Юльке! Ну, погодите!

Когда он впервые увидел племянницу? Одиннадцать... да, ровно одиннадцать лет назад. Точно также тогда выпал глубокий снег.

...За ней отправили старую, разбитую «копейку», которая не отапливалась и гремела всеми своими частями даже на ровной дороге. Ему интересно было увидеть, как она отреагирует на этот «рыдван», который, по его замыслу, должен был символизировать её будущее.

Он стоял у окна вестибюля, когда старая развалина на четырёх колёсах чихнула и заглохла перед подъездом. Бронислав Арнольдович отступил в угол и смиренно склонил голову. Дверь открылась, и в вестибюль вошла высокая длинноногая девчонка в коротком пальтишке, из которого давно уже выросла. Сделав несколько шагов, она остановилась, озираясь в полутёмном зале и не зная, что делать дальше.

Бронислав Арнольдович выдвинулся из своей засады.

– Юлия Иннокентьевна? – подчинённо спросил он.

– Ой, здравствуйте и простите! Я вас сразу не заметила, – ответила девушка. – Да, я Юлия Белогорская. Для Иннокентьевны я ещё слишком молода, поэтому не надо величать меня по отчеству. А вы кто будете – мажордом?

Алмазный король склонился в поклоне.

– Ну, наподобие этого.

Он принял у неё шапку и пальто, провёл в помещение, предназначенное для прислуги, и предложил сесть на стул возле квадратного стола, застеленного простенькой скатёркой.

– А как вас звать? – спросила она.

– Как меня звать?... Э-э, Борис Михайлович. Благополучно доехали? Не замёрзли? Этот скупердяй, ваш дядя, пожалел машину получше, с хорошим отоплением.

– Вообще-то, я продрогла.

– Тогда, может, чайку желаете-с? У меня всё готово.

– С удовольствием выпила бы чего-нибудь горячего.

Он налил ей чаю, придвинул поближе сахарницу, вазочку с вареньем, конфеты, печенье.

– Почему же вы себе не налили? Одна я пить не буду. Давайте я сама вам налью. Вы не будете возражать, если я за вами немножко поухаживаю? Нет?

Приставив второй стул, она усадила на него мнимого мажордома.

– А где сейчас мой дядя? – спросила девушка. Она надкусила конфету и отпила из стакана, – он обещал, что сам встретит меня.

– У Бронислава Арнольдовича важное совещание, которое во многом определит будущее компании. Потому не судите его слишком уж строго.

– Я и не осуждаю, – сказала Юлия, с удовольствием попивая чай. – Дела есть дела. Было бы странно, если бы он оставил их из-за какой-то девчонки. А мой дядя, он всегда такой скупердай, как вы выразились?

– Не всегда, но иногда на него нападает.

– Но в зарплате-то хоть он вас не обижает?

– Что вы, зарплатой я доволен, иначе не держался бы за это место.

– А вы держитесь за него? – Юлия с хитрецей улыбнулась.

– Держусь обеими руками.

– Он вам не грубит, не оскорбляет вас?

– Нет, помилуй бог, никогда.

– Точно нет? А то ведь эти миллиардеры, сами знаете, из грязи в князи, и пошли-поехали куролесить.

– Ваш дядя, на мой взгляд, вполне вежлив в обращении с подчинёнными.

– А с не подчинёнными?

– Ну тут, пожалуй, по-разному, в зависимости от ситуации. Но, как мне представляется, вашего дядю трудно вывести из себя и он практически всегда остаётся таким, каким его привыкли видеть в повседневной обстановке.

– А вы знаете, – сказала Юлия, понижая голос и слегка подаваясь к «мажордому», – я ведь побаивалась встречи с дядей, да и сейчас боюсь. Хорошо, что прежде я встретила вас. Рядом с вами я как-то психологически подготовилась к встрече с ним. С вами-то мне легко, свободно, будто мы сто лет уже знакомы. Каково-то будет с Брониславом Арнольдовичем? Хорошо бы он походил на вас – хотя бы характером.

Слушая племянницу, алмазный король не отводил от неё глаз, восхищался её свежей девичьей красотой и жалел, что не удосужился познакомиться с ней раньше.

Напившись чаю, они поехали в офис компании, не в драндулете, а в роскошном лимузине, в котором было тепло и комфортно.

Юлия распахнула пальтишко, прижалась бочком к «мажордому», взяла его под руку и спросила, где старенькая машина, в которой её привезли.

– Не знаю, – честно ответил «мажордом». – Возможно, её от подъезда отправили прямо на свалку.

– А этот лимузин? Это вы постарались?

– Я.

– И вам не страшно? Вдруг ваш начальник рассердится за самоуправство.

– Я думаю, он простит меня.

– Ой, какой вы чудесный! Я постараюсь всегда быть с вами – вы моя опора. Можно я вас поцелую? – не дожидаясь согласия, Юлия чмокнула «мажордома» в щёку. – Если что, я на вас надеюсь, вы уж меня поддержите.

Они прошли в президентский кабинет, где Бронислав Арнольдович и представился в качестве его хозяина. Племянница страшно смутилась и стала просить прощения за недавнее панибратство.

Алмазный король обнял её за плечи и сказал:

– Ты была превосходна. Я увидел тебя такой, какая ты есть на самом деле. Ты мне понравилась, и я надеюсь, мы всегда будем друзьями.

Потом было всякое. Но никакие конфликты, периодически возникавшие между ними, не могли разбить взаимной симпатии, возникшей в их первую встречу.

...Вернувшись за стол, Бронислав Арнольдович позвонил секретарю и велел передать своему помощнику, чтобы все сегодняшние дела тот взял на себя. Закурил ещё одну сигарету. Затем ещё одну. Кабинет наполнился дымовой завесой. По истечении полутора часов – за окнами уже стемнело – снова позвонил секретарю и попросил принести чаю.

Когда секретарь, миловидная женщина тридцати шести лет, принесла поднос со стаканом, он извинился за табачный перегар и с оттенком восхищения улыбнулся.

– Алевтина Григорьевна, вы выглядите как именинница. Что с вами случилось? Вы похорошели, помолодели, вам ни за что не дашь больше двадцати пяти.

– Вы, Бронислав Арнольдович, и сами выглядите прекрасно. Может, вы первый поделитесь секретами неувядаемой молодости?

– Поделюсь, охотно. Принесите ещё стакан чаю, и вот за чайком, рядком да ладком мы и потолкуем.

Когда Алевтина Григорьевна принесла свой стакан, он долил ей и себе из той же бутылки, из которой угощал начальника безопасности, и начал с того, что похвалил секретаря за многолетнюю плодотворную работу.

– Я думаю, пора вам повысить зарплату.

– Ну, пора так пора. Повысите – отказываться не буду, – Алевтина Григорьевна больше года была его любовницей, он души в ней не чаял, и она терпеливо ждала, когда он сделает ей предложение. По её наблюдениям, к этому всё и шло, – А эта бутылочка! Если я ничего не путаю, ей скоро уже полгода.

– Пять месяцев. Что поделаешь, у меня не так много друзей, и пить – не с кем. Вот она и стоит.

– Но вы пьёте со мной. Кто я для вас – друг?

– Сам не знаю, что вы для меня значите. Возле вас я отдыхаю душой. Дайте мне ваш локоток, – он приложился к её локтю губами. – Вы Нефертити, божественное проявление в роли моего секретаря.

– Бронислав Арнольдович, это уж слишком. Не забывайте – мы на службе.

– Я не забываю. Если бы не это, я много бы чего ещё вам наговорил.

Секретарь была в курсе переговоров с бандитами и после нескольких обменов любезностями спросила:

– Не круто вы с ними, Бронислав Арнольдович?

– В самый раз. Мягкостью их не проймёшь. Во многом это риторика, но есть и фактура. Я напугал их, и они вернут мне мою Юлию. Должны вернуть. Ну, а если нет!..

Лицо Белогорского окаменело, глаза стали наливаться чёрной ненавистью. Таким Алевтина Григорьевна своего шефа редко видела. В эти мгновения она начинала бояться его.

Но Белогорский вдруг откинулся на спинку кресла и рассмеялся, гнев его как рукой сняло.

– А знаете ли вы, дорогая Алевтина Григорьевна, что наши дорожки с Саблинским, он же Сабля, стали пересекаться почти двадцать лет назад?

– Нет, не знаю, тогда я даже с вами не была знакома. Да я и была-то тогда всего лишь подростком.

– Так вот, в то время мы только вставали на ноги, вся прибыль шла на развитие производства. Однажды мне даже пришлось заложить квартиру, чтобы завершить важное дело. И тут, как снег на голову, ко мне являются несколько молодчиков во главе с Саблинским и пред-

лагают свою «крышу». Вы знаете, что это такое. Я вижу, дело плохо и соглашаюсь на все их условия. Только они за дверь, я связываюсь с Виктором Петровичем. Мы были с ним...

Лежавший на столе мобильник засветился и издал вибрирующий сигнал, президент взял телефон и заговорщицки подмигнул секретарю.

– Виктор Петрович, лёгок на помине. Из Франции, – и обратился к далёкому собеседнику:

– Слушаю... Оперативно, весьма. Продолжайте поддерживать с ними связь. Завтра? Где? В районе Лазурного берега? Ну хорошо, пусть недельку побудет там, снимет стресс, а после – прямиком в Москву.

Он отключил телефон.

– Всё, дорогая Алевтина Григорьевна, завтра Юлию Иннокентьевну примут наши друзья.

* * *

Руководители преступной организации были взбешены осечкой с выкупом, но, чтобы новый могущественный враг не начал против них полномасштабную войну, решили отступить. Без какого-либо промедления были отданы соответствующие распоряжения.

Не успела яхта раствориться в морской дали, как, проскользнув вдоль горного хребта, возле бухты опустился скоростной маневренный вертолёт.

Из него выскочили двое: пилот Жан Марсо и бывший спецназовец Павел Клеменчук. У них было задание, полученное от Перфильева: забрать обоих узников. Мужчину предстояло сбросить в море, а женщину доставить на северный берег Африки, после чего её должны были переправить во Францию.

До того людей, похищенных с целью выкупа, никогда не оставляли в живых. Так же изначально предполагалось поступить и с племянницей Белогорского.

Ещё в воздухе, увидев пустой причал, Марсо и Клеменчук поняли: на базе случилось нечто чрезвычайное. Оказавшись на земле, они обнажили пистолеты и проверили домик, за ним – сарай. Везде было пусто.

– Ни яхты, ни заложников, ни охранника, – довольно чисто сказал по-французски Клеменчук, выходя из сарая. – Ничего не понимаю. Что ты скажешь обо всём этом, а, Марсо?

– Да тут много чего лезет в голову, – ответил пилот. – На базу могли совершить налёт. Яхту угнали. Заложников и охранника забрали с собой.

– Или прикончили всех и бросили в воду, – Клеменчук посмотрел на голубоватое зеркало бухты, простиравшееся перед ними. – Места много, глубина – дна не достанешь, попробуй найди кого-нибудь.

– Пленники были заперты, – стал рассуждать Марсо. – Охранник освобождать их не стал бы ни при каких обстоятельствах, мы хорошо знаем, что это за фрукт. Самим им вырваться было невозможно: мимо такого медведя, как Дихлофос, не пройдёшь.

– Но если на базу был совершён налёт, без перестрелки бы не обошлось. А тут ни одной стреляной гильзы.

– Да мы толком и не искали.

– Согласен, давай поищем ещё.

Держа оружие наготове, они прошли от сарая до домика и дальше до самого моря. Повернули обратно, вглядываясь в воды бухты. Обращали взоры и к скалам, словно пытаясь найти ответ у них.

– А если они сбежали втроём? – задался вопросом Клеменчук и посмотрел на пилота. – Сели на яхту и дали дёру.

– Нет, охранник на это бы не пошёл, – возразил Марсо, оглядывая скалы и их подножия. – Он прекрасно знает, что в случае побега его непременно найдут. При его-то внешности, без

достаточного знания иностранного языка... Слишком приметная фигура. Не могу представить, чтобы Дихлофос решился на такие подвиги.

– Гм, не можешь представить! А ты забыл, какая кралечка сидела в сарае? Любому зубы заговорит. Не соблазнила ли она нашего «медведя»? Чтобы скрыться вместе с ним, а?

– Если так, то зачем им третий, который сидел с ней взаперти? Дихлофос не потерпит, чтобы возле его женщины отирался ещё кто-нибудь. Что они с ним сделали? Утопили в бухте? Или прогнали прочь? Твоё предположение, Поль, сомнительно. Риск ради романтического путешествия не для охранника. Я могу рискнуть, он – нет. Кроме выпивки и жратвы ему ничего не надо. Конечно, он может позариться на женщину, но только если она у него под боком и не надо никуда идти.

Клеменчук стал кричать, называя охранника и по имени, и по кличке, но ответом было только повторяющееся эхо, раздававшееся над бухтой и между скал. И вдруг Жан Марсо увидел среди камней гильзу, за ней – ещё одну, немного в стороне – третью.

– Ты видишь? – сказал он напарнику, собрав гильзы в ладонь.

– Вижу, что здесь была заварушка, – отозвался Клеменчук. – Выходит, никто Дихлофоса не соблазнял и никуда он с этой бабой не бежал.

Поиски продолжили, и в скором времени под одной из скал был обнаружен искалеченный труп охранника.

– Застрелен, – сказал Клеменчук, распахнув на мертвеце залитую кровью рубаху. – Под ключицу угодили. Судя по положению тела, получив ранение, Дихлофос упал откуда-то сверху, со скал. Если бы не это, мог бы в живых остаться, в нём же силы, силы-то сколько было! Автомат под рукой, рожок, смотри, наполовину расстрелян. Нашего друга не просто пристрелили – здесь был бой, – Клеменчук потрогал шею и грудь погибшего, – совсем ещё тёплый. Всё произошло недавно. Кто-то здесь побывал из чужих. Со стороны гор сюда не добраться. Значит, они прибыли морем.

– Или небом, – сказал Марсо и пояснил: – как и мы – на вертолёте.

– Хотя так хоть эдак, но среди них были моряки. Иначе яхту бы они не угнали. Но, думается, никакого вертолёта не было: с чего бы тогда возиться с яхтой, если по воздуху уйти и проще, и быстрее?

– Они могли прибыть на вертолёте, а потом разделиться, чтобы прибрать к рукам и яхту, и пленных.

Доводы Марсо прозвучали более убедительно, и это покорило самолюбие Клеменчука.

– Ладно, – сказал он с едва заметной досадой, – как было на самом деле, уже не важно! Нам-то что теперь делать?

– Для начала позвоним шефу, – сказал Марсо. Он покатал гильзы между пальцами и поместил их в неглубокий застёгивающийся припоясной кармашек. – Нет, со звоном пока подождём. Пойдём посмотрим, нет ли где следов машины. Чем чёрт не шутит: вдруг эти «приятели» всё же пробрались где-нибудь между гор.

Они дошли до сарая, за которым до самых холмов простиралось неровное, но вполне доступное для проезда автомобиля открытое пространство. На тёмно-бурой, усыпанной камнями почве здесь и там виднелись длинные языки и плоские куртины более светлого наносного песка, но следов автомобильных шин не было видно.

– Можно звонить, – сказал Марсо, отрывая взгляд от унылого пейзажа. – Картина ясна, и мы ответим на все вопросы.

Они связались по рации с Перфильевым, в непосредственном подчинении которого находились, доложили обстановку и спросили о дальнейших распоряжениях.

На минуту на той стороне воцарилось молчание. Перфильев, контролировавший из района Малигви – того самого, что расположен на северном берегу Африки, – ход операции с заложниками, услышав сообщение, покрылся холодным потом. В своё время именно по его

рекомендации была сокращена охрана базы возле бухты Систерос – так называлось место, где содержались пленники, – с тем, чтобы усилить вторую базу в шхерах Ариньо. Лишние люди у Систероса ни к чему, мотивировал он, всю прилегающую область контролируют воинственные племена Омара, верного союзника; союзник этот не гнушался ни пиратством, ни сухопутным разбоем. И вот на тебе, доконтролировались союзнички, ни дна им, ни крыши.

С Омаром они взаимодействовали уже пять лет. По их наводке пират брал на abordаж проходившие вдоль побережья суда, забирал груз, если он представлял для него достаточную ценность, и получал миллионные выкупы за заложников. Взамен гангстерская организация использовала бухту Систерос, в поселениях племён отсиживались её шютцеры, попавшие в поле зрения Интерпола.

«Что же на самом деле произошло? – в смятении соображал он. – Неужели разведка Белогорского смогла обнаружить стоянку? Не может этого быть, слишком уж быстро. Всего несколько часов назад в арсенале алмазного короля фактически были одни угрозы и ничего более. Не считая...»

– Слушаем вас, – сказал Клеменчук, не дождавшись ответа.

– Немедленно отправляйтесь в разведывательный полёт над морем, – послышалось в приёмнике. – При обнаружении рядом с яхтой какого-нибудь другого судна... В общем, действуйте по обстановке. Только имейте в виду – свидетелей не должно быть. Если яхта одна, просто верните её в бухту. Возможно, никакого нападения со стороны не было, заложники сами вырвались на свободу и нейтрализовали охранника. В таком случае всё упрощается. Как только яхта окажется в ваших руках, мужика пристрелить – и за борт, на корм акулам. Белогорскую доставить сюда. Смотрите, с ней всё должно быть в полном порядке.

– Они вооружены.

– У вас в руках тоже не трещотки! Я полагаю, тебя не надо заново учить методике захвата?

– Не мешало бы кого-нибудь прислать для поддержки.

– У меня сейчас никого нет поблизости. Да и когда бы эта поддержка прибыла! Скоро ночь, и надо действовать незамедлительно.

– Ладно, управимся сами.

Марсо и Клеменчук, работая в паре, не впервые выполняли разные щекотливые поручения, связанные с уничтожением или похищением тех или иных личностей, и считались непревзойдёнными мастерами своего дела. Месяца два назад, правда, получив солидные награды за ещё одну виртуозно проведённую операцию, они попали в бордель мамы Памелы, что на окраине Кастервиля, и там в пьяном угаре впервые ощутили на себе силу героина. С этого и началось. Но на работе это практически не отражалось, и камрады по-прежнему не сомневались в своих деловых качествах.

Свою «слабость» они тщательно и успешно скрывали, ибо знали, что от людей, сидящих на игле, организация немедленно избавлялась.

Ещё до переговоров с Перфильевым сначала у одного, затем у другого появились первые признаки ломки. Перед ними стояло достаточно серьёзное предприятие, и, чтобы быть в хорошей физической форме, Клеменчук свою дозу увеличил – совсем ненамного.

Марсо поднял вертолёт, и они полетели над морем, направившись почти точно по следу угнанной яхты. Вскоре, далеко у горизонта, показалось судно, шедшее на север.

– Как, ты готов? – перекрывая шум двигателя, спросил пилот у напарника.

– Я всегда готов, – ответил Клеменчук, чувствуя в себе мощный прилив активности. – Сейчас я могу горы свернуть.

– Ну, горы – это лишнее, – Жан Марсо рассмеялся. Он тоже испытывал физический и эмоциональный подъём, и дело, которым им предстояло заняться, казалось теперь детской забавой. – А вот захватить и повернуть яхту к берегу – то, что надо.

– Захватим, – сказал Клеменчук и, взявшись за крупнокалиберный пулемёт, ощутил, как оружие послушно подчиняется малейшему его усилию. – Захватим, Жанок, куда они от нас не денутся, – волна нервной энергии захлёстывала его, и ему не терпелось поскорее разобраться с беглецами.

– Я всё думаю о мадмуазель Белогорской, – сказал, улыбаясь, Марсо и посмотрел на Клеменчука. – Какое у неё богатое тело! А губки! Яркие, сочные!.. А ножки, ножки какие у неё! К таким славным ножкам я ещё ни разу не притрагивался, честное слово. Я бы с удовольствием сделал её своей любовницей. На некоторое время, разумеется.

– У тебя этих любовниц и так пруд пруди. Эта кралечка, конечно, хороша и может запудрить мозги, но такие, как она, мне не по нутру. Мне нужны цыпоньки без выкрутасов.

– А мне по нраву женщины утончённые. Как Белогорская, например. Я сразу положил глаз на неё, как только увидел.

– Ха, нашёл утончённую! Ошибаешься, Жан, эта баба – хитромудрая и ловкая бестия. И тебе она точно не достанется. Ты же слышал, что сказал Перфильев.

– Конечно, не достанется. Потому что нет времени. Будь оно у меня, я сумел бы её уговорить. Именно уговорить, а не... Я предпочитаю очаровывать женщин, чтобы они сами вешались мне на шею. В таких случаях мне остаётся только проявить снисходительность и не отталкивать то, что само идёт в объятия. Иногда я даже тяну время, чтобы помучить их перед минутами наслаждения. Одна-две ночи, и я начинаю подыскивать следующую пассию. Увы, они быстро надоедают своими капризами.

– И ты ни разу не был женат? – спросил Клеменчук.

– Нет, не был. Я считаю, что слишком молод для этого. И я всё ещё недостаточно обеспеченный человек. Да и зачем жениться, когда и так каждую ночь я сплю то с одной, то с другой. Скажу без ложной скромности: в искусстве обольщения, развив природный дар, доставшийся мне по наследству от моего папаши, я стал настоящим гутенмейстером, специалистом высшего класса. Ещё не было женщины, которая устояла бы под воздействием моего обаяния. Мой взгляд, мои слова пьянят их, а известно – охмелевшая женщина себе уже не хозяйка.

Жан Марсо взглянул на часы.

– Сегодня в десять вечера меня будет ждать такая мадам! Фигурой – настоящая Киприда! И не только фигурой. Жена одного банкира. Я три недели пел ей дифирамбы, она сдавала одну позицию за другой и нынешней ночью готова полностью капитулировать.

– Какая-нибудь старая карга?

– Ты разве глухой? Я же говорю – Киприда. Она красавица и на четыре года моложе меня. Банкир же на тридцать с лишним лет старше этой... бесподобной. Старый хрыч женился на ней, чтобы на разных приёмах демонстрировать её прелести. Более чем уверен – она уже не один раз наставляла ему рога. Подошла моя очередь надкусить этот «запретный плод».

– Ты не успеешь к ней.

– Я позвоню, и она подождёт.

– И у тебя никого не было, пока ты её улещал?

– Ах, Поль, на тебя, видимо, действует наркотик – ты не воспринимаешь, что я тебе говорю. Конечно были. Пора запомнить – без женщины я не могу провести ни одной ночи.

Яхта была почти под ними; Марсо сделал правый поворот, и вертолёт завис в двух сотнях метров над судном. Они увидели, как по палубе пробежал и нырнул в один из дверных проёмов мужчина с ручным пулемётом. В окне рулевой рубки промелькнуло женское лицо. И это все, больше ни одного человека.

– Пожалуй, никакого нападения, Поль, на нашу базу действительно не было, и заложники сами сумели вырваться из плена.

– Так оно и есть.

– Как бы этот скифец не наделал нам дел, – проговорил пилот, имея в виду человека, замеченного ими на палубе яхты.

– Я ему покажу дела! – возбуждённо ответил Клеменчук. – Один выстрел – и я превращу его в кашу. Да и что он нам сможет сделать своим «ручником»?

Он нажал на спуск, пулемёт в его руках ожил, и перед носом корабля и рядом с бортом поднялась длинная цепочка фонтанчиков.

В то же мгновение пулемётным огнём ударили с палубы судна. За грохотом двигателя ни Марсо, ни Клеменчук не расслышали выстрелов противника, но они заметили и самого стрелка, прятавшегося за палубной надстройкой, и то, как работает пулемёт, направленный в их сторону. Одна из пуль задела фюзеляж, удар её почувствовали оба, и в носу машины, в левой части его, появилось округлое с вывернутыми зазубринами отверстие.

– Ах ты сучонок! – прокричал Клеменчук. – Будешь ещё корячиться! Да разве ты первый, кого мы разделявали под орех?!

Кровь, подогретая героином, волной ударила в голову, от вспышки ярости на секунду потемнело в глазах. Клеменчук повернул пулемёт, наводя его на человека, прикрывшегося надстройкой, и снова нажал на спуск. Пулемёт мощно заходил под руками. Неожиданно вертолёт тряхнуло, и он резко пошёл вниз, вероятно, попав в воздушную яму. Стрелка повело влево, прицел же стал смещаться вправо. Бывший спецназовец видел, что бьёт не туда куда надо, но уже не мог ни остановиться, ни направить ствол в нужную точку. Очередь прошла корабль от кормы до форштевня, круша всё на своём пути.

– Что ты делаешь?! – крикнул Марсо, меняясь в лице. – Ты убьёшь Белогорскую и потопишь яхту или приведёшь её в негодность. Мы поплатимся за это. Приказ был только остановить.

– Мало ли что при... приказано, ты видишь, как он лу... лупит по нам. Хочешь, чтобы на... нас укокошили?

– Ты перестал соображать, потому что вколол слишком большую дозу! Я поднимаю вертолёт и увожу его на расстояние, с которого ты мог бы достать яхту, а нас с неё – нет. Тогда мы с ними управимся...

Марсо начал выполнять манёвр. Он заметил некоторые нарушения в координации движений напарника, но продолжал надеяться на его многоопытность. Бывший же спецназовец действительно всё больше ощущал на себе воздействие передозировки: как-то с перебоями начало работать сердце, из-за сухости во рту перестал слушаться язык. Ускользало восприятие происходящего. Увидев высунувшуюся из-за палубной надстройки еле различимую фигуру пулемётчика, Клеменчук не удержался и опять прильнул к прицелу. Лента с толстыми, как сосиски, патронами торопливо пошла в приёмник пулемёта. Охотник за людьми был уверен, что в два счёта разделается со своим противником. Как разделялся со всеми предыдущими..... Вот только надо согнать серую пелену, возникшую перед глазами. Он напряг зрение, чтобы сфокусировать взгляд. Тщетно: очертания яхты и человека за надстройкой расплывались всё сильнее. Пилот удивлённо посмотрел на него, тем самым замедлив движение машины, и это их погубило.

Снизу также полоснули пулемётной очередью, пули прошли фюзеляж, пробили пол кабины, и Марсо с силой ударило в нижнюю челюсть; обливаясь кровью, хлынувшей из раны, пилот вскинулся и повалился вперёд, достав головой до приборной доски. Вертолёт, оставшийся без управления, стал переворачиваться вверх брюхом.

Клеменчук находился у открытой двери. Когда до него дошло, что происходит, он оставил пулемёт и, забыв о товарище, начал быстро смещаться в опрокидывающемся дверном проёме, стараясь удержаться на ногах.

Вертолёт падал, поверхность моря стремительно приближалась, угрожая гибелью. Сознание прояснилось, всё второстепенное исчезло, осталось только желание выжить. Взмахнув

руками, Клеменчук оттолкнулся и выпрыгнул из кабины. Надо было преодолеть прозрачный, золотой в солнечных лучах, вращающийся нимб.

Ему почти удалось это сделать; его ударило лишь самым кончиком лопасти, но этого оказалось достаточно, чтобы превратить рослого сильного мужчину в подобие фарша. Сначала ему отрубило ступни ног. От дикой боли в горле Клеменчука зародился душераздирающий крик, но не успел он раскрыть рта, как был изрублен на мелкие куски.

Часть вторая

На яхте «Олимпия»

Уже в открытом море, когда берег за кормой превратился в покрытую дымкой, еле заметную полосу, Юлия Иннокентьевна закрепила штурвал и занялась своим спутником. Отыскав медицинскую аптечку, она смыла подтёки крови обработала антисептическим раствором края раны, обколола её новокаином и, покрыв какой-то жёлто-зелёной мазью плотный ватный набалдашник на конце тонкого, длинного шпунта, медленно прогнала его от входного отверстия до выходного и обратно.

– Внутренние органы не повреждены, – сказала она, ободряюще глядя на пациента. – Судя по всему, пуля прошла по касательной. Несомненно, задеты мышечные ткани. Но ничего страшного, жить будете.

Наложив марлевые салфетки, она закрепила их лейкопластырем и ловко забинтовала, после чего сделала инъекцию антибиотика.

– Это для того, чтобы подавить находящуюся в ране инфекцию, – пояснила она, складывая медицинские инструменты в прямоугольную металлическую чашу. – Я сомневаюсь, что пуля была стерильна. Вероятно, из обоих отверстий будут некоторые выделения в виде сукровицы или... Не пугайтесь, со временем это пройдёт.

– Спасибо, – Костя благодарно улыбнулся, сожалея, что операция быстро закончилась: прикосновения пальчиков «эскулапа» были весьма приятны. – Вам бы хирургом работать.

– Не стоит. Когда-то я прошла один курс медучилища. И вот – пригодилось, – она сделала паузу, после чего продолжила: – Я ведь не всегда была племянницей миллиардера, я имею в виду – признанной племянницей. Довелось и нужду терпеть и другого лиха испытывать. В то время я хотела стать врачом, но средств у нашей семьи хватало только на упомянутое училище. Лишь когда мои родители, совсем ещё молодые, умерли, дядя забрал меня к себе и взялся за моё воспитание.

Юлия Иннокентьевна подошла к штурвалу и сверила курс яхты с компасом.

– Вы вот удивляетесь моим словесным вывертам, – она взглянула на своего спутника, словно проверяя, слушает ли он её. – А чему удивляться? Думаете, среди кого я росла? Среди обычных детей, отпрысков конторщиков, слесарей и кухарок! И училась в обычной школе, где уровень преподавания русского языка и литературы был в разы ниже, чем в середине прошлого века, когда в общеобразовательной школе – городской и сельской – даже иностранную литературу изучали. Подружками же моими были девчонки, которых воспитала улица.

– А ваш дядя, Бронислав Арнольдович? Разве он вам не помогал? При его богатстве это были бы крохи.

– Мой отец не взял бы у своего старшего брата ни копейки. Они с детства всё делили что-то между собой, всё выясняли, кто из них правее, и в итоге стали чужими, даже враждебно настроенными людьми.

– И, несмотря на это, дядя взял вас к себе.

– Да, он принял меня, как родную дочь.

– А его дети?

– У него нет детей. Мой дядя – старый холостяк.

– Куда мы направляемся? – спросил Костя, наблюдая за волнами, разрезаемыми форштевнем.

– Я думаю, надо пройти ещё немного на запад, чтобы оказаться вне видимости с берега, и затем повернуть на север. Мы можем дотянуть не только до ближайшего порта Европы, но даже до Петербурга или Ростова. Обратите внимание на показания приборов. Вот, посмотрите.

Видите, баки полные. Вот расход топлива, а вот путь, который мы можем проделать. Да, всё хотела спросить: как вам наша яхта? Мне она понравилась с первого взгляда. Какая она красива, какие у неё изящные обводы!

Лицо женщины расплылось в весёлой, слегка высокомерной улыбке.

– Хорошо, что мне пришла мысль отправиться на этой посудине. Мы же сейчас фактически отдыхаем, как бы совершаем развлекательную прогулку. А то шпарили бы по берегу, по жаре. А там и камни, и зыбучие пески! Да ещё рана у вас. Сильно беспокоит?

– Не очень. Почти не болит.

– Это пока новокаин блокирует боль. Когда его действие закончится, почувствуете. Кстати, крови было немного, значит, ни один крупный сосуд не повреждён, – Юлия Иннокентьевна аппетитно облизала губы, и от этого они стали ещё ярче. Костя успел заметить, какие у неё ровные, здоровые зубы, в полутьме сарая он как-то не обращал на это внимания. – Спеклось во рту, – продолжила она, – всё-таки я изрядно переволновалась, думала, нам не уйти из бухты. Попить бы чего-нибудь.

– Я схожу посмотрю, нет ли где пресной воды.

– Вам не следует много двигаться. А лучше всего – полежать. Ну да ладно, стойте немного у штурвала, я сама пойду поищу.

Передав Косте штурвальное колесо, она вышла из рубки.

Яхта уверенно продвигалась вперёд, легко переваливаясь с волны на волну и оставляя за собой бурлящий водоворотами пенистый след. Душный полутёмный сарай, постоянное ожидание смерти, напряжение скоротечного боя – всё исчезло словно дурной сон.

Он с наслаждением вдохнул полной грудью. Мысли вернулись в будущее, рисуя родную Рябиновку, дом у озера, ровные чистые от сорняков делянки белых хризантем, встречу с милой добродушной Варварой Степановной. Как хорошо было бы сейчас оказаться рядышком с ней!

Костя улыбнулся, представив, как она обрадуется его появлению. При первой же возможности надо будет отправить ей телеграмму. Хотя нет, телеграмма устарела – это всё в прошлом. Сразу же надо позвонить. Переживает, наверное, тётушка. Должно быть, ей уже сообщили об его исчезновении.

– Я смотрю, у вас неплохое настроение, – сказала Юлия Иннокентьевна, появляясь с двумя пластиковыми бутылками и стаканчиками. – Что будете пить? Колу или минеральную?

– Колу, – после пережитого Косте хотелось чего-нибудь сладкого.

Она налила в два стакана. Пили, пока не осушили всю бутылку, после чего Юлия Иннокентьевна взяла управление яхтой на себя, а Костя собрал оружие, вынес его из рубки и, расположившись в носовой части яхты, на участке палубы, свободном от осколков стекла, принялся его изучать.

– Всё-таки вам лучше бы полежать! – крикнула Юлия Иннокентьевна.

– Ничего, ещё успеется.

Рана начинала болеть сильнее, но не настолько, чтобы ничего нельзя было делать. Он проверил магазин карабина – семь патронов, надо дополнить. Горизонт был чист, и ничто им не угрожало. Пока, во всяком случае. Но старая солдатская привычка держать оружие в боевой готовности сказывалась.

Перед глазами снова возникло неподвижное тело под скалами, как он ни старался не думать о нём. И это его, Кости, рук дело. У него пожухло лицо, и неприятно засосало под ложечкой. Лучше бы этот охранник остался жив. А может, действительно, он живой и только ранен? Да где там! Свалиться с такой высоты и выжить?! Нет, это невозможно. Мысль о том, что он убил человека, больно стегала по мозгам.

– Эй, на баке, вы, кажется, собираетесь воевать, да?! – донёсся из рубки звонкий бодрый голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.